

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**4 (28)
2020**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2020

Редактор

Е. В. Невская

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

Е. А. Лебедева

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, Владимир,

ул. Горького, 87.

*Владимирский государственный
университет имени*

Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

Владимир, ул. Горького, 87,

ВлГУ, каб. 08-1

Подписано в печать 25.12.20

Заказ №

Выход в свет 29.12.20

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 11,39

Тираж 500 экз.

*Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.*

600000, Владимир,

ул. Горького, 87

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института (главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения (зам. главного редактора серии)
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор ректор Московского педагогического государственного университета
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент директор Педагогического института
<i>И. Й. Деретич</i>	доктор филос. наук, профессор руководитель проекта «История сербской философии», Философский факультет, Белградский университет
<i>В. В. Жданов</i>	доктор филос. наук университета Фридрих-Александра, Эрланген – Нюрнберг (Германия)
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор академик РАН
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой исторического регионоведения Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой Всеобщей истории
<i>С. А. Мартыанова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной филологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка
<i>А. В. Ляпанов</i>	кандидат ист. наук доцент кафедры истории России (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

К. Е. Балдин

Деятельность земства по сельскохозяйственному просвещению крестьян
(на примере Владимирской губернии) 5

Н. И. Горская

Подготовка земской реформы 1864 г.: историографический аспект 15

В. В. Митрофанов

Причастность С. Ф. Платонова к допуску учебников Н. И. Кареева
и В. Г. Виноградова в учебный процесс 28

А. А. Фортун

Экономические мероприятия Саратовского земства в годы
Первой мировой войны 39

ФИЛОЛОГИЯ

Е. Ю. Рыкин

Многокомпонентные сочетания с творительным падежом ограничения
в древнерусском тексте 50

ФИЛОСОФИЯ

Л. Е. Жукова

Философия «Бхагавад-гиты» в беседах Шри Раджниша (Ошо) 58

П. Е. Матвеев

О доказательствах бытия Бога 71

Н. И. Петев

Новая пандемия и её социальные и философские особенности
(на основе мировых событий 2019 – 2020): аспект экзистенциальной
автономии индивида, вопрос генезиса и проблематика инструментального
характера эпидемии 81

Сведения об авторах 97

CONTENTS

HISTORY

K. E. Baldin

Activities of Zemstvo on Agricultural Education of Peasants (on the Example of the Vladimir Province) 5

N. I. Gorskaya

Preparation of the Zemstvo Reform of 1864: Historiographical Aspect..... 15

V. V. Mitrofanov

S. F. Platonov's Participation in Admitting of Textbooks of N. I. Kareev and V. G. Vinogradov for Use in Educational Process 28

A. A. Fortun

Economic Measures of Saratov Zemstvo During the First World War..... 39

PHILOLOGY

E. Yu. Rykin

Multicomponent Combinations with the Instrumental Case of Restrictions in the Old Russian Text 50

PHILOSOPHY

L. E. Zhukova

The Philosophy of the Bhagavad Gita in the Conversations of Sri Rajnish (Osho)..... 58

P. E. Matveev

About the Proof of God's Existence..... 71

N. I. Petev

The New Pandemic and its Social and Philosophical Features (Based on the World Events of 2019-2020): the Aspect of Existential Autonomy of the Individual, the Question of Genesis and the Problems of the Instrumental Nature of the Epidemic..... 81

Contributors 97

УДК 94 (470.314) «1900 – 1917»

К. Е. Балдин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ КРЕСТЬЯН (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена агрономической устной пропаганде, которую вело среди крестьян российское земство; тема рассматривается на примере Владимирской губернии. Двумя основными формами пропаганды были отдельные чтения и курсы, на которых сельские жители получали новую информацию и новые умения хозяйственной деятельности. Темы чтений и курсов были разнообразными: животноводство, пчеловодство, выращивание кормовых трав и др. Лекторами здесь выступали земские агрономы, а слушателями курсов являлись, как правило, крестьяне среднего возраста и среднего уровня достатка, грамотные и стремившиеся улучшить свое хозяйство.

Ключевые слова: земство, русское крестьянство, земские агрономы, сельскохозяйственные чтения, сельскохозяйственные курсы.

После освобождения российских крестьян от крепостной зависимости, последовавшего в 1861 г., постепенно начали ускоряться прогрессивные изменения в сельском хозяйстве страны. Но во второй половине XIX в. эти сдвиги в технологиях, технике и логистике были пока заметны в основном в богатых экономиях тех сравнительно немногочисленных помещиков, которые ставили свое хозяйство на рыночные рельсы. Что касается крестьян, то абсолютное большинство их работало на своих наделах так же, как это делали их далекие предки в условиях средневековья (типичный пример – применение архаичной трехпольной системы). Большинство крестьян, видя различные новшества в помещичьих имениях, считало их не более чем «барской затеей». Меньшинство же сельчан, которое хотело бы использовать эти инновации, не имело для этого ни знаний, ни денежных средств.

Земства не сразу после своего возникновения начали оказывать реальную помощь крестьянскому хозяйству, страдавшему от малоземелья, налогового бремени, постоянных неурожаев и т. п. С 1860-х гг. эти органы местного самоуправления обращали первостепенное внимание на просвещение деревни и здравоохранение, считая, что не надо вмешиваться в хозяйственную жизнь крестьян, что сельчане ориентируются в этом гораздо лучше, чем земцы – представители просвещенного дворянства и интеллигенции. Приблизительно в 1890-х гг. в большинстве земских собраний и управ впервые начали обсуждать необходимость помощи крестьянам, но только в первом десятилетии XX в. пришло понимание того, что крестьян сначала нужно убедить в необходимости существенных изменений в их хозяйстве.

Сельскохозяйственная пропаганда среди населения не могла быть успешной, с одной стороны, без специалистов, которые передавали бы знания и умения населению, а с другой стороны – без специальных органов, которые координировали бы их деятельность. Необходимые специалисты – агрономы – стали работать в земствах гораздо позже, чем другие

профессиональные отряды земской интеллигенции – медики и педагоги. Они появились только в 1890-х гг., когда органы местного самоуправления обратили пристальное внимание на крестьянское хозяйство.

Во Владимирской губернии почин в учреждении должностей агрономов исходил снизу – от уездных земств. В Шуйском уезде земский агроном начал работать еще в 1896 г., в 1901 – 1902 гг. эти должности были учреждены еще в нескольких уездах, в том числе Судогодском. В 1903 г. к ним присоединились Александровское, Вязниковское, Муромское и Меленковское земства [6, с. 20; 10, с. 3, 4]. Довольно скоро практика показала, что одного агронома на уезд явно недостаточно. Поэтому в штатном расписании уездных земств со временем появились еще участковые агрономы [15, с. 94, 98, 102 – 108, 115 – 117]. Здесь напрашивается совершенно однозначная аналогия: как в земской медицине почти с самого начала ее функционирования существовали участки, и во главе каждого стоял врач, так и в агрономической деятельности уезды стали делиться на такие же территориальные единицы.

Со временем в губерниях были созданы специальные органы для ко-

ординации тех усилий, которые принимались в уездах. Во Владимирской губернии в структуре губернской земской управы для этого возникло особое агрономическое отделение. Здесь же регулярно проводились совещания агрономического персонала. В них принимали участие, кроме уездных агрономов, также специалисты, служившие во Владимире – губернский агроном, губернский почвовед, губернский пчеловод и др. На совещаниях в числе других проблем обсуждалось проведение сельскохозяйственных чтений и курсов, массовые закупки популярной литературы для крестьян и т. п. [4, с. 1, 9, 10].

В уездах координирующими органами в агрономической области являлись экономические советы, в которых принимали участие члены земской управы, уездные и участковые агрономы. Советы рассматривали вопросы сельскохозяйственной пропаганды. Например, на заседании Ковровского экономического совета в феврале 1902 г. обсуждали вопрос о выпуске в уезд агрономической литературы; на заседании Судогодского экономического совета в августе 1904 г. шла речь о поставках в уезд «волшебных фонарей» (диапроекторов) и «теневого картин» (слайдов), ко-

торые в это время начали широко использовать во время чтений и курсов для крестьян [2, 1903, № 5, с. 19; 1905, №№ 5, 6, с. 31].

Сельскохозяйственная пропаганда сначала для десятков, а потом для сотен и даже тысяч крестьян велась земством как в устной, так и в печатной форме. Существовали различные виды устного сельскохозяйственного просвещения. Во-первых, это были *чтения* – эпизодические лекции агрономов или каких-либо других специалистов (например, ветеринаров), которые однократно выступали перед крестьянской аудиторией на протяжении часа, полутора или, самое большее, двух часов. Как правило, аудитория чтений, которые называлась также беседами или лекциями, была довольно массовой.

Во-вторых, еще одной организационной формой сельскохозяйственной пропаганды были не одноразовые, а занимавшие несколько дней, порой две и даже три недели «систематические чтения». Фактически это были уже относительно небольшие по объему *курсы*, на которые записывались далеко не все крестьяне, а только те, кто отчетливо понимали явную недостаточность своих сельскохозяйственных знаний и целенаправленно стре-

милось пополнить их. Если чтения по своему содержанию были доступны практически всем грамотным и даже неграмотным крестьянам, то курсы чаще всего предназначались для крестьян более или менее развитых и сознательно стремившихся улучшить свое хозяйство.

В самые первые годы XX в. постепенно сформировалась тематика агрономических чтений для крестьян. Первоначально она была составлена особой комиссией, которую создали при Департаменте земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. В этом документе представлено несколько тематических блоков по отраслям сельского хозяйства. Например, в рубрике «По сельскохозяйственным машинам и орудиям» перечислялись такие темы чтений: «Как нужно обращаться с плугом, устанавливать и исправлять его» (как раз в это время плуг довольно уверенно начал теснить соху в крестьянских хозяйствах), «Какие орудия и машины можно устроить домашними средствами в крестьянском хозяйстве» и т. п. Документ с подробно прописанной тематикой был разослан в губернские земства, а через них попал в уезды. В сопроводительной записке было указано, что тематические формулировки

являются примерными, их целесообразно «применять к местным условиям» [2, 1904, №№ 17, 18, с. 76 – 78].

Тематика бесед в различных уездах была очень разнообразной, она зависела от хозяйственной специализации данной местности. Во Владимирском уезде чаще других проводились чтения по травосеянию и улучшению лугов, что было необходимо для развития пригородного животноводства. В Ковровском уезде устраивались беседы о том, как крестьянину выбрать и купить высокопродуктивную молочную корову, как выращивать картофель. В Суздале губернский агроном по просьбе местной уездной земской управы прочел лекцию о борьбе с луковой мухой – одним из самых опасных вредителей овощей, которые в Суздале и его окрестностях традиционно выращивались в промышленных масштабах [12, с. 120].

В Покровском уезде агрономы обратили внимание на пропаганду травосеяния, с помощью которого можно было обеспечить скот кормом. На беседах специалисты рассказывали о том, как сеять клевер, как за ним ухаживать и убирать. Особое внимание обращалось на то, каким образом крестьяне могут получить свои клеверные семена, не покупая их на стороне. В

начале XX в. в связи с усилившимся интересом крестьян к посевам кормовых трав цены на их семена быстро росли, и крестьянам важно было обеспечить себя собственным посевным материалом [8, с. 23].

Если чтения проводились довольно часто и во многих точках того или иного уезда, то курсы удавалось устраивать гораздо реже, так как нужно было найти соответствующий состав квалифицированных лекторов и в то же время набрать более или менее многочисленную крестьянскую аудиторию. По своему содержанию курсы являлись либо универсальными (самого широкого профиля), либо специализированными (посвящены, скажем, луговодству, кормовым травам, животноводству или пчеловодству). Например, на 1908 г. в губернии были намечены курсы пчеловодства в шести различных населенных пунктах, но реально состоялись только в трех местах – во Владимире, селе Крутово Ковровского уезда и в селе Нагорье Переславского уезда. Базой для курсов во Владимире послужили пасеки «Владимирского пчеловодного товарищества» и пчеловода Тихомирова, в Нагорье – пчельники некоторых слушателей курсов, в Крутове – пасека Е. П. Горшкова [12, с. 129, 130]. В

1912 г. в деревне Кузьмино Меленковского уезда были устроены курсы по «кормодобыванию». Этот термин означал, что специалисты рассказывали крестьянам о том, как обеспечить кормом их скот. В том же году во Владимире, Коврове и селе Пестяки Гороховецкого уезда были проведены не специализированные, а универсальные курсы [11, с. 12, 13, 67].

Программа универсальных курсов была максимально широкой. Крестьяне изучали прогрессивные технологии полеводства, животноводства, садоводства и огородничества, знакомились с самыми разнообразными сельскохозяйственными орудиями и машинами. Соответственно, получаемые ими знания были несколько поверхностными, поскольку за довольно короткий срок невозможно было объять необъятное. На специализированных курсах для крестьян открывалась возможность получить новые практические знания. О знаниях, полученных крестьянами на пчеловодческих курсах в 1908 г., свидетельствовала программа курсов: «Общие понятия о пчелах. Постройки пчел. Взятки. Размножение пчел. Болезни и враги пчел. Жилища пчел. Покупка пчел и выбор места под пасеку. Инвентарь пчельника. Уход за пчелами в разные сезоны. Зимовка

пчел». Большая часть времени здесь отводилась на практику непосредственно на пасеке, которая служила базой для курсов [12, с. 126 – 129].

Исключительно интересной и разнообразной программой отличались курсы по «кормодобыванию» в деревне Кузьмино Меленковского уезда. Они были устроены Владимирским губернским земством. За пять дней курсанты сумели прослушать такие специальные дисциплины, как «Общее земледелие» – 12 часов, «Травосеяние» – 6 часов, «Луговоеводство» – 16 часов, «Однолетние кормовые травы» – 4 часа и даже «Культура болот» – 5 часов. Практические занятия заключались в закладке на общинной земле показательного луга около деревни Кузьмино. В ходе курсов крестьянам демонстрировались образцы семян и удобрений, гербарии, которые давали представление о кормовых травах, а также орудия обработки почвы: плуги, бороны и культиваторы [11, с. 12].

В сельской местности можно было найти место для массовых мероприятий – это школа и церковь. В последней чтения – мирские по своей сущности мероприятия – невозможно было проводить по каноническим соображениям. Поэтому обычно беседы устраивались в местных школах, тем

более если они принадлежали тому же земскому ведомству, что и лекторы-агрономы. В Шуйском уезде агроном Всеволод Ильич Машеров в 1912 – 1913 гг. проводил беседы с крестьянами в школах таких селений, как Тюгаево, Устье, Чулково, Коляново, Авдотьино и других [5, с. 152, 153, 191]. Относительно числа слушателей следует заметить, что оно было ограничено размерами аудитории. В классной комнате с учетом приставных табуреток могло поместиться до 100 человек. В Шуйском уезде накануне Первой мировой войны, по информации агрономов, на лекции обычно приходило от 20 до 40 человек. В Покровском уезде агрономам удавалось собирать на беседы от 50 до 100 местных жителей [6, с. 152, 153; 8, с. 49].

Во время чтений и курсов земские работники стремились максимально использовать принцип наглядности в своей деятельности. В ходе агрономической пропаганды применялись различного рода картины, плакаты и таблицы. Но в условиях модернизации, которая в России проникала не только в урбанистическую, но и в сельскую среду, нельзя было обойтись без новинок техники, в том числе и в информационной сфере. На различных лекциях и чтениях стали применяться

«волшебные фонари» (диапроекторы), с помощью которых демонстрировалось то, что тогда называлось «теньевыми картинами», или «световыми картинами», т. е. слайды.

Эта техника с каждым годом все активнее использовалась в сельскохозяйственной пропаганде среди крестьян. Например, в Покровском уезде в течение 1911 г. местный агроном провел 19 бесед, которые сопровождались показом «теньевых картин» по таким темам, как «Обработка почвы» или «Удобрение почвы». Наглядные пособия были особенно важны для внедрения в крестьянскую среду новых агротехнологий. В частности, сопровождавшиеся показом диапозитивов чтения «О плодосмене и многополье» и «О травосеянии и скотоводстве» подталкивали крестьян к тому, чтобы отказаться от архаичной трехпольной системы и ввести многополье с непременно посевом кормовых трав [9, с. 49].

Эффективность чтений и курсов в первую очередь зависела не от обилия применявшихся наглядных пособий и даже не от денежных сумм, которые затрачивались на их проведение. Главное воздействие на крестьян оказывали сами лекторы, их знания, умение повлиять на аудито-

рию и убедить ее в необходимости тех или иных инноваций в сельском хозяйстве. Большинство агрономов были людьми достаточно красноречивыми и убежденными в том, что выполняют некую миссию, продвигая в деревню новую технику, новые знания и умения.

Чтения проводили, как правило, местные агрономы; что касается курсов, особенно длительных и универсальных по своему содержанию, то для устройства их требовались специалисты сразу по нескольким отраслям сельскохозяйственной науки. Поэтому наряду с агрономами уездных земств на них приглашались и те, кто работал в губернских структурах. Типичный пример этого – курсы, которые были устроены в 1912 г. в Меленковском уезде. На них, разумеется, преподавали местные агрономы из уезда – А. К. Богданович и Д. М. Панкратов, но с учетом того, что курсы были посвящены выращиванию кормовых трав для развития животноводства, на них от губернского земства приехали специалисты в области луговодства и культуры болот Л. А. Панасюк, Л. А. Чугунов, В. К. Зотов [11, с. 12].

Среди особенно горячих энтузиастов пропагандистской работы с крестьянами следует упомянуть двух

представителей агрономического персонала губернии. Исключительно большой активностью отличался инструктор по пчеловодству губернского земства Павел Иванович Мещеряков [3, 1906, № 6, с. 24]. Большой объем работы, который ему приходилось выполнять, был обусловлен тем, что далеко не в каждом уезде были свои земские специалисты по такой специфической отрасли хозяйства, как пчеловодство. Он проводил чтения и курсы в самых различных уездах, практикуя дальние и длительные выезды за пределы губернского центра. Довольно долгое время уездным агрономом в Шуе работал Всеволод Ильич Машеров. Судя по данным из земской делопроизводственной документации, его основной специализацией в агрономии являлась обработка и удобрение почв, технологии посева зерновых культур. Именно по этим темам он чаще всего проводил беседы с крестьянами в различных селах и деревнях Шуйского уезда [6, с. 152, 153].

Набор слушателей на курсы обычно не был стеснен никакими цензами — грамотности, возраста, зажиточности, гендера и т. п. Лишь на наиболее серьезных курсах, проводившихся губернским земством во Владимире, имелись ограничения. Же-

лавших заниматься на них второй раз уже не принимали, так как число мест было ограничено. Например, в 1912 г. на них были допущены 48 крестьян, командированных уездными управами. Таким образом, от одного уезда на курсы могли приехать всего четыре крестьянина [11, с. 67].

Что касается состава слушателей, то в нашем распоряжении имеются данные только по возрасту участников на курсах 1912 г. во Владимире. Наибольшую часть курсантов (36 %) составляли крестьяне в возрасте от 26 до 35 лет, еще 24 % — представители возрастной группы от 36 до 50 лет [Там же, с. 68]. По косвенным данным можно с уверенностью предположить, что на чтения ходили крестьяне самого различного жизненного уровня. На курсы же записывались в основном те сельские жители, чей достаток был несколько выше среднего уровня. Это были сельчане, которые сознательно стремились сделать свое хозяйство более совершенным и доходным, но испытывали дефицит необходимых знаний и умений.

Подводя итоги, отметим, что земство начало оказывать реальную агрономическую помощь крестьянам в самом начале XX в. Первоначально сельские жители являлись лишь пас-

сивными получателями этой помощи, которая обретала материальную, но не денежную форму. Со временем земские деятели поняли, что крестьяне сами должны четко представлять себе, как они могут наиболее эффективно использовать эту помощь. В связи с этим органами местного общественного управления стала целенаправленно осуществляться сельскохозяйственная пропаганда.

Агрономические чтения в деревне были рассчитаны практически на всех крестьян, в том числе и на неграмотных. Результаты их свидетельствовали, что такие беседы пробуждали реальный интерес к хозяйственным новшествам. После чтений часть крестьян была уже готова идти на курсы, которые давали более существенную информацию. Большую часть аудитории курсов составляли крестьяне – домохозяева среднего возраста, а по своему материальному положению – крепкие середняки.

Сельскохозяйственная пропаганда строилась земцами на определенных принципах, которые они вырабатывали опытным путем в ходе проведения чтений и курсов. В-первых, ис-

пользовался принцип последовательного изложения материала от простого к сложному. Элементарная информация на чтениях отличалась от более сложного материала, который крестьяне получали во время курсов. Во-вторых, максимально использовался принцип наглядности – обязательно демонстрировались рисунки, схемы, таблицы. При этом в повседневную практику пропаганды постепенно входили технические новинки, такие как демонстрация «теневых картин» через диапроектор. Принцип наглядности проявлялся в том, что значительную часть времени на курсах занимали не лекции, а практические занятия в поле, на гумне, на пасеке и т. п. В-третьих, очень важен был принцип доступности преподаваемого материала. Новинки сельского хозяйства излагались в устном и печатном виде при максимальной их популяризации. В этой связи отметим, что печатная сельскохозяйственная пропаганда также получила распространение во Владимирской губернии, но эта тема, как нам представляется, должна стать предметом специального исследования.

Библиографические ссылки

1. Балдин К. Е. Сельское хозяйство в России на пути прогресса: земские склады во Владимирской губернии в начале XX в. // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4 (24). С. 5 – 14.
2. Вестник Владимирского губернского земства. 1903. № 5; 1904. №№ 17, 18; 1905. № 5.
3. Владимирская еженедельная газета. 1906. № 6.
4. Журналы заседания губернской земской управы по выяснению сельскохозяйственных вопросов с участием в обсуждении земских агрономов Владимирской губернии. Б. м., б. г. 10 с.
5. Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйского уездного земского собрания 1912 г. Шуя, 1912. 627 с.
6. Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйского уездного земского собрания 1913 г. Шуя, 1914. 664 с.
7. Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйского уездного земского собрания 1907 г. Владимир, 1908. 324 с.
8. Журналы очередного Покровского уездного земского собрания 1908 года. Владимир, 1908. 184 с.
9. Журналы очередного Покровского уездного земского собрания 1911 года. Владимир, 1912. 214 с.
10. Отчет Владимирской губернской земской управы по агрономическим мероприятиям за 1903 год. Владимир, 1904. 68 с.
11. Отчеты Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1912 года. По агрономическим мероприятиям. Ч. II. Отчеты и обзоры общие и специальные. Владимир, 1913. 110 с.
12. Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1908 года. По экономическим мероприятиям. Владимир, 1908. 188 с.
13. Петровичева Е. М. Земство и кооперация накануне Первой мировой войны (на материалах губерний центральной России) // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 1 (5). С. 28, 29.
14. Петровичева Е. М., Ульянова Е. В. Участие владимирского земства в распространении сельскохозяйственных знаний среди крестьянства в период

аграрной реформы П. А. Столыпина // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века : сб. ст. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 101 – 106.

15. Петровичева Е. М. Земское самоуправление центральной России в 1906 – 1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности. М., 2003.

К. Е. Baldin

ACTIVITIES OF ZEMSTVO ON AGRICULTURAL EDUCATION OF PEASANTS (ON THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR PROVINCE)

The article is devoted to agricultural propaganda, which was conducted among the peasants by Russian Zemstvo. The subject of the article is researched on the example of the Vladimir province. The two main forms of the propaganda were individual readings (lectures) and courses, in which peasants received new information and new skills of economic activity. The topics of readings and courses were varied: livestock, beekeeping, growing of fodder grasses, etc. Lecturers at readings and courses were local agronomists. The students were usually middle-aged peasants with middle-income who were literate and consciously seeking to improve their economy.

Keywords: Zemstvo, Russian peasantry, Zemstvo agronomists, agricultural readings, agricultural courses.

УДК 94(47). 081

Н. И. Горская

ПОДГОТОВКА ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ 1864 г.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируется специальная советская и современная литература по подготовке земской реформы 1864 г. Основное внимание уделяется освещению проблем относительно выработки модели земского самоуправления в России и роли Н. А. Милютина и П. А. Валуева в разработке реформы.

Ключевые слова: историография, земство, земская реформа, местное управление, великие реформы, просвещенная бюрократия, Н. А. Милютин, П. А. Валуев.

В послереволюционной историографии не так много исследований, специально посвященных подготовке земской реформы 1864 г. Самым значительным произведением советской исторической литературы остается книга В. В. Гармизы [2]. Работа стала связующей нитью между несколькими поколениями исследователей. Несмотря на свой почтенный возраст и марксистскую методологию, монография сохранила научное значение хотя бы потому, что в ней были поставлены и реанимированы вопросы, интересовавшие несколько поколений историков. Они собственно и составляют проблемное поле современных исследований. Речь идет об оценке земской реформы; о российской модели земского самоуправления и ее зависимости от западных образцов и бытовавших в то время политических теорий; о роли просвещенной бюрократии в создании земства и ее ценностных ориентирах; о борьбе политических сил вокруг реформы.

В чем, как нам представляется, сходятся все исследователи, так это в понимании связи земской реформы с

другими преобразованиями Александра II, а также в трактовке причин, приведших к созданию земства (неэффективность местного управления, «плачевное состояние» местного хозяйства, необходимость организовать исполнение земских повинностей, наделение дворян служебными местами, уступка революционному и оппозиционному движению) [2, с. 20 – 50; 6, с. 22 – 29; 8, с. 17 – 24, 61 – 70].

Известно, что подготовка реформы заняла довольно длительное время, и основную часть работы выполняла Комиссия о губернских и уездных земских учреждениях, созданная 27 марта 1859 г. В работе этой комиссии МВД исследователи выделяют два периода: милютинский (март 1859 – апрель 1861 г.), когда Комиссию возглавлял Н. А. Милютин, и валуевский (апрель 1861 – 1863 г.), когда после отставки Милютина во главе комиссии встал П. А. Валуев. Сравнение этих периодов в деятельности комиссии и ее руководителей – Н. А. Милютина и П. А. Валуева – занимает центральное место не только в работе Гармизы, но и во всей историографии.

Традиционно считается, что именно 1859 г. стал началом подготовки реформы [1, с. 23; 2]. Правда, В. В. Гармиза в поисках связи с крестьянской реформой отсылает читателя к февралю 1858 г., когда в Главном комитете по крестьянскому делу обсуждался вопрос об административной власти над освободившимися крестьянами [2, с. 130]. Современные исследования выходят за рамки этой хронологии [8, с. 9; 17, с. 63]. Е. Н. Морозова, много лет занимающаяся исследованием материалов о подготовке реформы, отодвигает ее начало на ноябрь 1856 г., когда первый проект самоуправления начал разрабатывать М. Е. Салтыков-Щедрин, специально приглашенный в МВД для этой цели [8, с. 9]. Кроме того, историк считает, что не все этапы этого длительного процесса освещены с достаточной степенью полноты, и стремится воссоздать последовательную и объективную картину подготовки земской реформы [8; 9; 10; 11; 12; 13].

Некоторая дискретность в исследовании темы объясняется как задачами, стоящими перед учеными, и уровнем знаний на момент изучения, так и состоянием источников. Источниковая база (документальный материал) о подготовке реформы страдает

лакунами и противоречивостью. Так, В. В. Гармиза обнаружил, что в архивах отсутствует ряд важных документов валуевского периода (о работе Особого совещания под руководством великого князя Константина Николаевича в апреле – мае 1862 г., о заседаниях Госсовета в июле 1863 г.) [2, с. 172, 231]; Е. Н. Морозова говорит о фрагментарности и отрывочности текстов, относящихся к милютинской комиссии [8, с. 11].

Не установлено и авторство ряда документов. В. В. Гармиза поставил под сомнение утверждение дореволюционного либерального историка А. А. Кизеветтера о том, что недатированные «Соображения Комиссии об устройстве земско-хозяйственного управления», содержащие главные идеи проекта земской реформы, появились в комиссии Н. А. Милютина. По его мнению, «Соображения...» были созданы в комиссии Валуге [2, с. 133 – 136]. Современные исследователи поддерживают мнение А. А. Кизеветтера или настаивают на прямой связи «Соображений», созданных при Валуге, с материалами Комиссии милютинского периода [1, с. 26, 27; 8, с. 192; 12, с. 26]. А. Ю. Шутов считает, что Милютину принадлежат «Замечания по полицейской реформе» (и другие тексты) из дела № 395, отложив-

шегося в личном фонде Милютин [16, с. 60; 17; 19], с чем не согласна Е. Н. Морозова [13, с. 87, 88]. Достоверно известно, что перу Милютин принадлежат другие «Соображения», написанные им уже после отставки для Совещания под руководством великого князя Константина Николаевича [2, с. 145 – 152; 12, с. 26; 14, с. 237].

При этом большинство историков отождествляют проекты с мнением руководителей комиссии [1, с. 23], считая, что они едва ли не зеркально отражают отношение к земской реформе Н. А. Милютин и П. А. Валуева. В последнее время наметился более осторожный подход к этой проблеме. Очевидно, что утверждение И. А. Христофорова о том, что милютинские проекты можно считать «плодом коллективного творчества» [14, с. 236, 237], следует распространить и на проекты валуевского периода.

Вместе с тем ясно, что взгляды руководителей Комиссии имели прямое влияние на проекты реформы. В литературе идут споры об отношении Милютин и Валуева к самоуправлению, децентрализации, месту государства и общества в организации уездной и губернской жизни.

Образ Н. А. Милютин был забыт во второй половине XIX в., но ре-

анимирован в современной литературе. Историки согласны, что Н. А. Милютин был сторонником сильной государственной власти в России, а абсолютное большинство относят его к приверженцам абсолютной монархии, способной провести реформы, «обуздать» оппозиционное дворянство и защитить крестьян. Он был лидером просвещенной (либеральной) бюрократии, но «не классическим либералом». П. А. Валуев – автор одного из конституционных проектов – поборник дворянского преобладания в управлении страной. Милютин и Валуев осознавали необходимость реформирования местного управления, но отстаивали разные принципы и предлагали разные модели самоуправления [1, с. 25 – 29; 2, с. 24, 25; 14, с. 236; 15, с. 15 – 45].

Здесь следует сказать несколько слов о западном влиянии на подготовку реформы. В литературе оно рассматривается сквозь призму теорий самоуправления: государственной и общественно-хозяйственной. До выхода в свет книги А. Н. Верещагина [1] в вопросе о теориях самоуправления отечественная историография обращалась к мнению П. П. Гронского. По мысли П. П. Гронского, общественно-хозяйственная теория легла в основу

Земского положения 1864 г., но постепенно была вытеснена государственной [3, с. 76 – 86].

Верецагин отрицает существование теорий самоуправления в 1860-е гг. не только в русской, но и европейской общественно-политической мысли, полагая, что в России «признаки обеих теорий» были сформулированы Н. М. Коркуновым и М. И. Свешниковым «только в начале 1890-х годов» [1, с. 32, 37 – 40]. Тем не менее вопрос о характере земства – общественном или государственном учреждении – возник «еще в процессе подготовки земской реформы» [Там же, с. 22].

Гармиза говорил, что Валуев разделял представление о государственном характере земства [1, с. 29; 2, с. 203]. А поскольку Валуев сыграл главную роль в подготовке реформы, то рассуждения А. А. Кизеветтера об общественной теории, которая якобы легла в основу Земского положения, он считал «совершенно неосновательными» [2, с. 199]. Современная литература также относит Валуева к сторонникам государственного характера земства («Валуев всегда делал акцент на правах государственной власти, а не самоуправления», «испытывал недоверие к самоуправлению») [1, с. 29]. Сложнее дело с другим государствен-

ником – Милютиным. Его характеризуют как сторонника самоуправления, отношение которого к самоуправлению «более благоприятное», чем у Валуева [1, с. 23].

Кажется, нет противоречия. Валуев признавал исключительно государственный характер земства; Милютин придавал большое значение общественным началам. Но это только на первый взгляд. В современной историографии существует мнение о близости взглядов Милютина французской административной системе, Валуева – английскому самоуправлению во главе с дворянством [13, с. 86; 14, с. 236]. А ведь английское джентри, составлявшее институт английских мировых судей, обладало самостоятельностью и независимостью в отличие от французского самоуправления, связанного с государственной властью.

Е. Н. Морозова осторожна в оценках теорий и их сторонников. В первой своей монографии (2000 г.) она относит Милютина к сторонникам государственной теории самоуправления [8, с. 201]. В монографии 2017 г. говорит не о теориях, а лишь о популярности идеи децентрализации А. де' Токвиля в России, которую разделяли и Н. А. Милютин, и П. А. Валуев, и М. А. Корф. По ее мнению, Милютин

был сторонником политической централизации и одновременно – административной и хозяйственной децентрализации [13, с. 86]. Общее во взглядах руководителей Комиссии на самоуправление Морозова видит в том, что они думали ввести земство в строй государственной жизни; только Милютин, рассматривавший самоуправление как часть государственного управления, планировал осуществить это на местном уровне; а Валуев – на уровне Государственного совета, считая самоуправление основанием его конституционного проекта. По мнению историка, и милютинская и валуевская модель (любая из них) была бы эффективнее, чем та, которая нашла воплощение в Земском положении 1864 г. [8, с. 24; 9].

А. Ю. Шутов склоняется к мысли о конституционных устремлениях Н. А. Милютина, которую в XIX в. проводил первый биограф Н. А. Милютина А. Леруа-Болье. При этом он опирается на дело № 395, о котором говорилось выше [16, с. 60; 17].

В связи с вышесказанным чрезвычайно важными представляются выводы А. Н. Верещагина, Л. Г. Захаровой, А. Н. Медушевского. А. Н. Верещагин снимает спор об авторстве «Соображений», считая, что Записка «ука-

зывает на противоречивый характер земства в глазах его создателей», земство трактуется в ней как «институт государственный и негосударственный одновременно» [1, с. 22, 23]. По его мнению, противоречивость взглядов на земство отражает искусственный компромисс двух различных подходов внутри самой комиссии «и как бы предвосхищает последующее отношение к нему самодержавного правительства: в разные моменты оно было склонно считать земство то общественным институтом, то государственным, смотря по обстоятельствам» [Там же].

Л. Г. Захарова и А. Н. Медушевский, в свою очередь, отрицают прямое влияние западных идей на реформаторов, которые руководствовались не отвлеченными западными идеями, а практическими задачами, стоящими перед страной [4, с. 608; 7, с. 15]. В этом отношении, по нашему мнению, верен акцент на характеристиках Валуева и Милютина как на прагматичных чиновниках. В последней книге, посвященной Н. А. Милютину, Е. Н. Морозова, характеризуя мировоззрение Милютина и его соратников, называет их «рациональными бюрократами», идеалом которых были легитимность и система управления, основанная на законе [13, с. 101].

Общую характеристику воззрений Милютина и Валуева дает Л. Г. Захарова. При всей сложности взглядов руководителей Комиссии их коренное различие по отношению к организации земства определялось социально-классовыми предпочтениями и общим видением реформ. По мнению Л. Г. Захаровой, Н. А. Милютин как сторонник равенства крестьян и всеословности, программа которого включала «цельность и ограниченность замысла крестьянской и земской реформ», был последовательным оппонентом Валуева, боровшегося «за безземельное освобождение крестьян, создание земства на основе дворянских собраний, фактически без крестьян» [5, с. 640, 641].

Историческая литература довольно подробно рассмотрела процесс зарождения земства, известного нам по Положению 1864 г. Основная заслуга в этом принадлежит В. В. Гармизе и Е. Н. Морозовой.

Как видно из работы Гармизы, в понимании создателей земства модель самоуправления включала три основных компонента: 1) институты: порядок их формирования, социальный состав, территорию распространения власти; 2) компетенцию: характер дел и пределы полномочий по этим делам;

3) степень самостоятельности: отношения с местной администрацией и административный надзор или контроль. Эта модель базировалась на общих принципах децентрализации (централизации), всеословности (сословности), выборности (назначаемости).

В. В. Гармиза не согласен с мнением дореволюционных либеральных историков и А. Франсуа-Болье, которые отдавали первенство в подготовке реформы Н. А. Милютину. С точки зрения Гармизы, Комиссия под руководством Н. А. Милютина внесла положительный вклад лишь в разработку полицейской реформы, отодвинув «земско-хозяйственные учреждения на второй план» [2, с. 133, 136]. Он не придает большого значения, пожалуй, одному из главных достижений в деятельности Комиссии Н. А. Милютина: разделению судебно-следственных, хозяйственно-распорядительных и административно-полицейских функций в полномочиях местной власти, что было первым и обязательным шагом на пути реформирования всего местного управления и выделения «земских дел».

Второй ее недостаток, по убеждению Гармизы, заключался в территориальной ограниченности планируемых преобразований. Комиссия стре-

милась реформировать только уездный уровень. Но автор резонно замечает, что «реформа невозможна» без и даже «до» преобразования губернских учреждений» [2, с. 139]. Однако при этом историк «забывает», что Комиссия должна была разработать проект именно уездного уровня. Только 25 октября 1859 г. последовало распоряжение Александра II заняться губернскими учреждениями. Но главное даже не в этом. Советский историк полагает, что «проектируемые Милютиным ... уездные земские присутствия оставались бюрократическими, чиновничьими организациями с ярко выраженной сословной окраской» [Там же с. 141]. Положительный вклад в разработку реформы со стороны Комиссии Милютина ограничивался лишь предложением о расширении земской компетенции (продовольствие, дороги, почта) по сравнению с дореформенным перечнем земских повинностей [Там же, с. 139, 147]. Известно, что отрицательное отношение к милютинским проектам разделял и П. А. Зайончковский.

Однако не надо забывать, что Гармиза говорил об эволюции взглядов «красного бюрократа» на земство. Образ земства в его представлениях приобрел к весне 1862 г. очертания самоуправления, основанного на выбор-

ности, независимости от государственной власти, ведающего исключительно хозяйственными делами местности: «сам Милютин шел значительно дальше того, что ему удалось сделать» [2, с. 144]. Критикуя административный надзор в структуре земских учреждений, Гармиза отдает должное Милютину, который был против присутствия губернаторов на земском собрании, против утверждения им гласных и другого [Там же, с. 145 – 152].

Согласно выводам Гармизы, основной вклад в разработку модели земского самоуправления в России внес П. А. Валуев. Упоминает он, никак не доказывая своего утверждения, и о роли Я. А. Соловьева, работавшего в Комиссии и под руководством Милютина, и под руководством Валуева [Там же, с. 136].

В комиссии Валуева земские учреждения проектировались на уровне уездов и губерний и получили свое институциональное выражение в виде распорядительного (собрание) и исполнительного (управы) органов. Комиссия сосредоточилась на трех вопросах, определивших, в сущности, модель земского самоуправления в России: *о социальном составе, о компетенции, о сущности и пределах власти земства*. [Там же, с. 172].

По мнению историка, основной вопрос – вопрос о *социальном составе* органов местного самоуправления, от которого зависели и «сама эта деятельность» и самостоятельность местных учреждений [2, с. 173]. В связи с этим Гармиза выясняет процесс обсуждения избирательной системы, в основу которой были положены три начала: выборное, сословное, имущественное [Там же, с. 173 – 179, 182, 185, 187, 191]. Он установил, что имущественный ценз был привязан к подушным наделам (прямая связь с крестьянской реформой) [Там же, с. 50, 182, 184]. Не останавливаясь более подробно на освещении в литературе земского избирательного права, отметим, что в современной историографии земская избирательная система – предмет специального изучения [18].

Что касается компетенции земских учреждений, то именно В. В. Гармиза показал теоретическую и практическую трудность определения характера дел и интересов: земских (местных) и государственных. Он пришел к выводу, что Комиссия решила отнести к земским делам хозяйственные дела местности [2, с. 192, 193]. Казалось, в этом вопросе мнения Валугева и Милютина полностью совпадали. Но разработчики реформ должны были пере-

числить в законе земские дела. Гармиза основательно описал передачу в ведение земства натуральных земских повинностей (дорожная, подводная, этапная, продовольственное дело, общественное призрение и др.) и тех из денежных, которые обслуживали местные губернские и уездные интересы. Они и составили «обязательные повинности» земства. В этом он усматривает даже отступление от до-реформенной ситуации, когда денежные государственные и земские повинности не противопоставлялись [2, с. 196 – 199].

Интересны сведения Гармизы об отрицательном мнении Валугева по поводу отнесения к земской компетенции «необязательных повинностей» (медицинское дело, народное образование), которые станут главным делом земства. В данном случае факты, приведенные историком, идут вразрез с его утверждением о первенстве Валугева в разработке реформы земства.

Вместе с тем В. В. Гармиза прав, говоря о сложности отнесения дел к определенному разряду, поэтому полномочия, предложенные в проекте закона, «были обозначены лишь в общих чертах» и понадобились «дополнительные документы для их разъяснения»: «Наказ земским учреждениям» и

«Временные правила о земских повинностях» [2, с. 193]. Этими документами, к сожалению, исследователи земского хозяйства пользуются крайне редко.

Изучая процесс формирования норм административного надзора, Гармиза показывает, что взгляды комиссии Валуева эволюционировали в сторону «все большего ограничения прав самоуправления» [Там же, с. 203]. Но принципиальная вещь – губернатор имеет право «приостанавливать исполнения всякого постановления земского собрания, если они противны законам или общим пользам государства» – сохранилась со времён Милютина [Там же, с. 202, 203].

Еще одним творцом земской реформы в глазах В. В. Гармизы является, благодаря своей записке 1863 г., одобренной императором, главноуправляющий II Отделением М. А. Корф [Там же, с. 207, 208]. Ценность записки, по мнению исследователя, заключалась в двух обстоятельствах: в осознании правящими кругами необходимости «изменений самих коренных условий» местного управления, децентрализации и самостоятельности самоуправления; а также в предложении новых существенных норм (особенно в избирательной системе: «выборные

волостные сходы»; избрание гласных по количеству земли и другой недвижимости, председательствование в управах гласных).

Именно Гармиза обратился к «валуевской конституции» как к проекту, связанному с земской реформой [2, с.156 – 166]. В. Г. Чернуха не только связала реформу Госсвета с созданием земства в планах Валуева, но и высказала мысль, что английское парламентское устройство виделось министру (как и многим современникам Валуева) «в качестве далекого идеала государственного устройства России», а образцом «реформы законосовещательной власти» должен был стать австрийский двухпалатный парламент [15, с. 15 – 45].

Итак, благодаря работе В. В. Гармизы, несмотря на известную архаичность его теоретических выводов, современные историки имеют подробную фактическую картину разработки на заключительном этапе (кроме обсуждения в Госсвете) той модели земского самоуправления, которая была закреплена в Положении 1864 г.

В центре внимания Е. Н. Морозовой находится первый, милютинский, период и Н. А. Милютин как государственный деятель, внесший основной вклад в разработку реформы. В

отличие от Гармизы ее больше интересуют принципы, общие подходы, чем выработка тех или иных норм закона. Но не только. Она реконструирует последовательность событий с 1856 г. до конца 1863 г. с учетом обсуждения других реформ (крестьянской, судебной, податной) в контексте борьбы вокруг реформ просвещенной бюрократии, либерального и консервативного дворянства. Это тем более важно, что изучаемый период отмечен большим числом комиссий, решавших в связи с комплексностью реформ схожие проблемы, что затрудняет изучение любой отдельно взятой реформы. Стремясь восполнить неполноту источниковой базы, большое внимание историк уделяет источникам личного происхождения.

С точки зрения Морозовой, уже «начала проекта МВД», разработанные М. Е. Салтыковым-Щедриным и Я. А. Соловьевым, «создавали возможность для широкой реформы уездного управления как административно-полицейского, так и хозяйственно-распорядительного», поскольку были основаны на выборности и разделении властей. Но они были блокированы консервативной бюрократией («комиссией четырех») [8, с. 95 – 97, 102 – 107].

Особый интерес для изучения реформы представляют сведения и выводы автора о деятельности «первой милютинской» комиссии (5 сентября 1858 – 27 октября 1858 г.), созданной для обзора отзывов губернаторов на проект четырех, и Комиссии 1859 г. [8, с. 129, 130]. Эта первая комиссия, заслужившая за обзор благодарность императора, разработала «новые основания для реформирования местного управления, основанные на единстве управления и разделении властей». Они были положены в основу повеления Александра II от 25 марта 1859 г., в котором предлагалось разработать проект, предоставлявший уездному управлению «бóльшее единство, бóльшую самостоятельность и бóльшее доверие». Е. Н. Морозова видит победу либеральной бюрократии и в том, что появились эти начала, и в том, что Александр II поручил разработку проекта «второй милютинской комиссии» (27 марта 1859 – апрель 1861 г.) [Там же, с. 130 – 133; 13, 121 – 129].

Комиссия Милютина, по мнению исследовательницы, была на верном пути и создала эффективный проект уездного управления. Однако противодействие правительства, опасавшегося перестройки управления во время отмены крепостного права, при-

вело к тому, что практическим результатом работы Комиссии на этом этапе стали реформы судебных следователей (1860 г.) и полицейская (1862 г.). Именно деятельность Комиссии Милютина привела к пониманию невозможности выделения хозяйственных дел на уездном уровне и необходимости реформы губернского управления и подтолкнула императора (после обращения С. С. Ланского) к требованию распространить принципы уездного управления на губернские учреждения [8, с. 150 – 178].

Е. Н. Морозова изучила мало исследованный период в деятельности Комиссии с июля 1860 г. по апрель 1861 г. и пришла к выводу, что в это насыщенное время «заключительного этапа подготовки и начала реализации крестьянской реформы» был создан проект нового губернского управления. Он состоял из двух частей: «административно-полицейской и хозяйственно-распорядительной» (разработкой занимался А. К. Гирс) [Там же, с. 183].

Историк очень высоко оценивает этот проект, считая его достоинствами встроенность в государственный аппарат и хозяйственную компетенцию (местные дела), в рамках которой земства обладали финансовой и юридической самостоятельностью [8, с. 195 – 201, 203]. Точно также и основное достоинство валуевского конституционного проекта, по мнению Е. Н. Морозовой, заключается в том, что земства становились частью государственного аппарата: «И в том и в другом случае земские учреждения "не повисли бы в воздухе", а стали бы органической частью системы управления» [9, с. 294].

Таким образом, можно сказать, что историческая наука имеет достаточно полное представление о характере и полноте источников; событиях и фактах, относящихся к подготовке земской реформы. Расхождения существуют в оценках, вопросах преемственности наработок комиссий, определении заслуг Н. А. Милютина и П. А. Валюева.

Библиографические ссылки

1. Верещагин А. Н. Земский вопрос в России. Политико-правовые отношения. М. : Международные отношения, 2002. 192 с.
2. Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 года. М. : МГУ, 1957. 263 с.

3. Гронский П. П. Теории самоуправления в русской науке // Юбилейный земский сборник. М., 1914. С. 76 – 86.
4. Захарова Л. Г. Крестьянская реформа 1861 г. в исторической перспективе (к проблеме Россия и Запад – выбор пути развития) // Александр II и отмена крепостного права в России. М. : РОССПЭН, 2011. С. 602 – 622.
5. Захарова Л. Г. Самодержавие и реформы в России 1861 – 1874 (к вопросу о выборе пути развития) // Александр II и отмена крепостного права в России. М. : РОССПЭН, 2011. С. 623 – 646.
6. Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М. : ИГПАН, 1993. 133 с.
7. Медушевский А. Н. Бюрократия и Великие реформы в России (1860 – 1870-е гг.). Современная англо-американская историография: Научно-аналитический обзор. М., 1996.
8. Морозова Е. Н. У истоков земской реформы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 214 с.
9. Морозова Е. Н. Земская реформа: замыслы и результаты // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 287 – 295.
10. Морозова Е. Н. Подготовка земской реформы: проекты П. А. Валуева (март – июль 1862 г.) // Известия Саратовского госуниверситета. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 83 – 90.
11. Морозова Е. Н. Борьба вокруг валуевского проекта земской реформы. Замечания М. А. Корфа и Г. А. Щербатова // Известия Саратовского госуниверситета. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 23 – 30.
12. Морозова Е. Н. История формирования концепции земской реформы: «Соображения по проекту о земских учреждениях» Н. А. Милютина // Известия Саратовского госуниверситета. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 26 – 32.
13. Морозова Е. Н. Н. А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2017. 208 с.
14. Христофоров И. А. Николай Алексеевич Милютин: «Правительству и только ему одному принадлежит всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны...» // Российский либерализм: идеи и люди. М. : Новое издательство, 2007. С. 229 – 239.

15. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л. : Наука, 1978. 243 с.

16. Шутов А. Ю. Роль Н. А. Милютина в подготовке земской реформы 1864 г. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 3. С. 58 – 76.

17. Шутов А. Ю. Земство и конституционализм // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 6.

18. Шутов А. Ю. Земская избирательная система (из истории формирования) // Полис. 1998. № 2. с. 134 – 146.

19. РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 395.

N. I. Gorskaya

PREPARATION OF THE ZEMSTVO REFORM OF 1864: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

The article analyzes the soviet and modern literature on the preparation of the zemstvo reform. The main focus is on highlighting the problems regarding the development of a model of zemstvo selfgovernment in Russia and the role of N. A. Milutin and P. A. Valuev in the development of the reform.

Keywords: historiography, zemstvo, zemstvo reform, local government, grate reforms, enlightened bureaucracy, N. A. Milutin, P. A. Valuev.

УДК 378

В. В. Митрофанов

ПРИЧАСТНОСТЬ С. Ф. ПЛАТОНОВА К ДОПУСКУ УЧЕБНИКОВ Н. И. КАРЕЕВА И В. Г. ВИНОГРАДОВА В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Публикация позволяет определить роль выдающегося историка и организатора системы образования в России С. Ф. Платонова в допуске в учебный процесс так называемых «профессорских» учебников, авторами которых были

Н. И. Кареев и В. Г. Виноградов. Отзыв, написанный С. Ф. Платоновым, иллюстрирует как его во многом малоизученную деятельность в Учёном комитете Министерства Народного просвещения, так и методы работы самого цензурного органа.

Ключевые слова: Учёный комитет, С. Ф. Платонов, Н. И. Кареев, В. Г. Виноградов, «профессорские учебники», отзыв, комиссия.

В великолепном по сохранности и полноте архиве выдающегося отечественного историка и организатора системы образования России С. Ф. Платонова отложились многочисленные интересные материалы, которые позволяют проиллюстрировать и дополнить важные направления его разносторонней деятельности. Одно из них, которое остается во многом не изученным в полной мере – это рецензирование и написание отзывов на историческую литературу и учебные книги по истории.

Эта кропотливая работа проходила в основном в рамках Учёного комитета при Министерстве Народного просвещения (УК МНП). Известно, что членом этого цензурного органа С. Ф. Платонов стал 19 декабря 1890 г., хотя встречаются и ошибочные датировки, так, А. А. Непомнящий указывает на 1893 г. [8, с. 16].

31 декабря 1890 г. председатель УК А. И. Георгиевский – один из крупных деятелей народного образо-

вания в России – информировал С. Ф. Платонова, что, удовлетворив представление от 11 декабря, министр назначил его с 19-го декабря членом УК с «вознаграждением трудов по комитету из сумм сего комитета по тысяче руб. в год» взамен отпускаемого «ныне вознаграждения по 500 руб.». Несмотря на то, что вопрос был решен быстро, перед этим шло довольно длительное согласование. Официальное приглашение С. Ф. Платонову от МНП поступило ещё 17 марта 1890 г. с предложением должности члена УК по рассмотрению исторических сочинений [9, д. 2623, л. 14; 12, л. 6 об.]

Как видно из письма С. Ф. Платонова, адресованного П. Н. Милюкову от 16 апреля 1890 г., его назначению содействовал университетский учитель В. Г. Васильевский, который «все сладил» и «все устроилось ладно» [1, с. 30].

Об определенных сомнениях С. Ф. Платонова в самом комитете узнаем из упомянутого письма: «Дело

об Уч[ёном] комитете шло давно: колебались и там, колебался и я «продать душу». Предложение, конечно, было не только лестное, но и почетное, его нужно рассматривать как важную ступень к признанию в научном сообществе и большой скачок в административной карьере. Да и материальный вопрос был важен в увеличивающейся семье С. Ф. Платоновых.

Поздравляя своего коллегу, П. Н. Милюков расценивал этот успех как окончание пребывания С. Ф. Платонова в категории «новичков» и переход в другое качество, определенное им, как попасть «в выбор» и «жить в думе» [5, с. 30]. Больше всего С. Ф. Платонова беспокоила закрытость учреждения: известный исследователь уже столкнулся с не всегда чистоплотными «правилами игры» в своеобразной и замкнутой учёной корпорации. Поздравления посыпались со всех сторон, например, А. П. Смородский (известный писатель, автор ряда работ по истории Белоруссии) направил 28 января 1891 г. телеграмму с кратким текстом: «Приветствую молодого профессора и члена Учёного комитета» [9, д. 4216, л. 3].

УК МНП появился в структуре министерства как неофициальный орган при Главном правлении училищ

24 октября 1817 г. Роль УК на протяжении века менялась. При министре И. Д. Делянове в конце 1882 г. он вернулся к полномочиям, утвержденным еще в бытность министром Д. А. Толстого, по поручению руководителя ведомства рассматривать: а) педагогические вопросы; б) учебные руководства и программы преподавания; в) книги, сочинения и периодические издания, которые предполагаются для распространения в учебных заведениях; г) сочинения, предназначенные для поднесения Государю Императору и особам императорской фамилии. К компетенции УК были также отнесены вопросы об учёных экспедициях, назначение конкурсов на учебные программы, присуждение премий и другие. В его состав входили председатель, назначаемый именным указом императора, неопределенное число постоянных членов, назначаемых министром, и правитель дел. Оценивая роль УК, А. Д. Степанский отмечал, что комитет «неизменно занимал крайне консервативные позиции, что сделало его весьма одиозным в глазах передовой интеллигенции» [13, с. 39]. Отзывы и отчеты, написанные С. Ф. Платоновым, не подтверждают такого категорического мнения. В рамках УК он составил десятки отзы-

вов, рецензий, многие из которых до сих пор находятся в рукописях и постепенно вводятся в научный оборот [7, с. 7 – 29].

Отзывы не всегда устраивали авторов, разгорались даже скандалы. Например, С. Ф. Платонов подверг обструкции содержательную сторону учебника Д. И. Иловайского в полемике, развернувшейся на страницах «Журнала Министерства Народного просвещения» в 1901 г. [3, с. 235 – 238], где характеризовал его как сторонника «произвольных построений в исторической науке» [10, с. 180 – 199].

Свое мнение об этих учебниках он высказал еще 19 марта 1885 г. в письме Я. Л. Барскову: «...как философски не переваривайте учебник Иловайского, науки не выйдет» [5, с. 17]. Отношение к самому Д. И. Иловайскому как учёному выражено С. Ф. Платоновым в письмах к друзьям, в которых он называл его «последним историографом», «Николой», а «ученую нетерпимость» Иловайского он «не понимал, не оправдывал» [Там же, с. 40, 48, 52]. Его учебники содержали немало просчётов и ошибочных, даже не научных, мнений. Например, в работе «Разыскания о начале Руси...» Д. И. Иловайский доказывал право-

хождения Руси от сарматского народа роксолан [4, с. V – VI]. Но его учебники издавались на протяжении десятков лет (с 1860 по 1916 г.), имели поддержку министерства, которая способствовала тому, что пособие по русской истории для среднего возраста выдержало 44 издания, для младшего – 32, а по всеобщей истории – 36. Это обстоятельство дало основание А. Н. Фуксу констатировать, что по учебникам Д. И. Иловайского «обучалось не одно поколение наших соотечественников» [14, с. 75 – 79].

На смену подобным учебникам пришли «профессорские» с углубленным содержанием материала, авторами которых были будущие академики Н. И. Кареев [5] и П. Г. Виноградов [2]. Появившиеся учебники вызвали неоднозначные оценки. Учителя стали ими активно пользоваться. В этой ситуации УК 20 марта 1901 г. сформировал комиссию под председательством С. Ф. Платонова с целью дать «оценки вообще и по преимуществу с педагогической точки зрения учебников истории Н. И. Кареева и П. Г. Виноградова». По предложению УК в комиссию вошли В. В. Федоров, преподаватели истории М. А. Адриянов, А. Е. Пресняков и М. И. Помяловский. Примечательно, что в комиссию пригласили крупного

авторитета по зарубежной истории Б. А. Тураева и учителей-практиков. Для объективности рассмотрения комиссия ознакомилась с рядом документов, с суждениями о представленных учебниках: выписки из журналов УК¹, мнения о книге Н. И. Кареева, С. Ф. Платонова, Б. А. Тураева (как по книге средних веков, так и по книге древней истории) и А. И. Георгиевского; отзывы членов комиссии об учебниках обоих авторов. Комиссия изучала и рассматривала материалы на трех заседаниях (28 апреля, 11 и 23 мая), признала «бесспорные научные достоинства» представленных учебников и высказала авторитетное мнение, что они «стоят выше всех прочих существующих в нашей педагогической литературе учебников всеобщей истории». Были отмечены «частные промахи и недосмотры», «неловкости и нетактичности», как следствие «влияния иностранной исторической литературы».

¹ 21 апреля 1901 г. С. Ф. Платонову А. И. Георгиевским были направлены «2 выписки из журналов Ученого комитета от 1 августа 1900 и от 12 февраля текущего года за №№ 1475 и 1451 с 4 приложениями по вопросу об оценке вообще и по преимуществу с педагогической точки зрения учебников истории Н. И. Кареева и П. Г. Виноградова» [3, д. 2623, л. 9].

Среди положительных сторон книг Н. И. Кареева указано на «простоту и ясность изложения». Заметим, что больше критики высказывалось в адрес книг П. Г. Виноградова. Отмечены «существенные недостатки в педагогическом отношении». К ним отнесены объем материала («слишком велик»), «сухость и трудность учебников... не вполне соответствующих действительным условиям преподавания истории в нашей средней школе». В итоге обсуждения комиссия пришла к выводу о несоответствии «учебных достоинств» учебников «педагогической пригодности», поэтому П. Г. Виноградову «настоятельно» рекомендовано внести «исправления в педагогическом отношении труда», а Н. И. Карееву указано на «необходимость сокращений и исправлений» [9, д. 506, л. 2, 4 – 6].

Причину такого несоответствия М. А. Мамонтова видит в том, что авторы учебников «являлись серьезными учеными, не имеющими солидного опыта работы в средних учебных заведениях» [6, с. 163].

Действительное отношение С. Ф. Платонова к разбираемым учебникам видно из его письма А. И. Георгиевскому, написанного еще 8 февраля 1901 г. «Что же касается до учебника

Кареева, – писал он, – то должен со-
знаться, что и мне он кажется
непригодным для V класса и не всегда
осмотрительным». Сложность ситуа-
ции была создана самим УК, когда он
допустил ошибку, давая отзыв о кни-
гах П. Г. Виноградова. Теперь «в отзы-
вах о книгах Кареева рецензенты»
должны учитывать «данное обстоя-
тельство», – отмечал в письме
С. Ф. Платонов. «Я всегда высказы-
вался против увлечения к учебникам
Виноградова», – честно признавался
председатель комиссии, «но должен
был судить Кареева, примеряясь к Ви-
ноградову». И откровенно характери-
зовал обоих ученых, как «одного поля
ягоды». Здесь же С. Ф. Платонов при-
знавался в своей слабости: «не нахожу
в себе мужества уверенно говорить о
наклонности этих авторов». Оправды-
вая свою позицию, он писал, что «они
только служат науке, как ее понима-
ют». Главное все же в отзыве было
отмечено (об этом С. Ф. Платонов
указывал также А. И. Георгиевскому),
что авторы учебников «совсем не по-
нимают, что и их книги совершенно
непедагогичны». Кроме того, в письме
С. Ф. Платонов сообщал, что написал
рецензию, оставшуюся неопублико-
ванной, на «Новую историю» Каре-
ева» [5, с. 72].

Желая активизировать работу
над учебниками по всеобщей истории,
комиссия предлагает объявить конкурс
на премию Петра Великого с предпо-
чтением для учебников по всеобщей
истории за 1904 г.

Публикуемый отчет предпола-
галось довести до УК 15 мая 1901 г.
Документ был результатом компро-
мисса, написан рукой С. Ф. Платонова,
имеет датировку, довольно значитель-
ный по объему.

Многолетняя деятельность
С. Ф. Платонова в УК способствовала
выработке им требований к педагоги-
ческой и учебной литературе. Именно
здесь был приобретен необходимый
опыт, применённый им в написании
своего учебника, выдержавшего с 1909
по 1916 г. восемь изданий.

В заключении заметим, что про-
блемы методических и педагогических
приемов подготовки учебников и посо-
бий, структурирование и объем матери-
ала, соотношение научности и возмож-
ности более лёгкого усвоения обучаю-
щимися, отбора фактов и событий яв-
ляются сложными в педагогической
практике. Об этом свидетельствуют и
диссертационные исследования [15].

Поэтому публикация отчёта бу-
дет иметь важное значение и в совре-
менных условиях, когда указанные во-

просы не сняты, а постоянно стоят перед авторами учебников, учебных пособий, педагогической и родительской общественностью, запросами государства и общества, учащимися. Деятельность УК, как показано выше, можно оценивать с разных позиций, но несомненно, что такой важный вопрос, как допуск учебников, особенно по истории (!!!), в образовательный процесс, должен регулироваться государственными структурами, которым необходимо привлекать авторитетных, уважаемых, беспристрастных рецензентов, а не по заказу и по принципу «кумовства». Об этом свидетельствует и недавний опыт насаждения в нашем историческом образовании учебников с чуждой для развития образования культурой, идеологией. Вспомним, как «почетно» было стать соровским лауреатом, учить детей по учебникам, изданным на его деньги.

Текст документа публикуется по современным правилам написания и орфографии, с сохранением стилистических особенностей источника. Сокрытия раскрыты в квадратных скобках.

Приложение

Отчёт Комиссии при Учёном комитете Министерства Народного

просвещения под председательством С. Ф. Платонова по вопросу об оценке вообще и по преимуществу с педагогической точки зрения учебников истории Н. И. Кареева и П. Г. Виноградова. 15 мая.

В. В. Фёдоров – Виноградов с педагог[ической] стороны по сравн[ению] с Кареевым.

М. И. Помяловский – Виноградов. Новая история.

А. Е. Пресняков – Виноградов и Кареев.

М. А. Адриянов – брошюра Кареева.

Б. А. Тураев о древней Кареева.

Б. А. Тураев о средней и Новой Кареева.

Помяловский.

1) Общий.

2) Сравнительная.

3) Общие недостатки.

4) Вывод.

Конкурсы.

18/ IV – V b 23/V.

Комиссия, образованная при Учёном ком[итете] Мин[истерства] Н[ародного] пр[освещения] по вопросу об оценке вообще и по преимуществу с педагогической точки зрения учебников истории Н. И. Кареева и П. Г. Виноградова в составе: *предсе-*

дателя², члена Учёного ком[итета] С. Ф. Платонова (~~председатель~~), чл[енов] Уч[ёного] комитета В. В. Фёдорова и Б. А. Тураева и преподавателей истории М. А. Адриянова³, А. Е. Преснякова⁴ и М. И. Помяловского⁵, ознакомься:

а) с выписками из журналов Учёного к[омитета] 1 августа 1900 г. и 12 февраля 1901 г., содержащими в себе мнение С. Ф. Платонова об «Учебной книге Новой истории» г. Кареева и мнения Б. А. Тураева и председателя Учёного ком[итета] А. И. Георгиевского⁶ об «Учебной книге истории Средних веков» того же автора,

б) с отзывом Б. А. Тураева об «Учебной книге Древней истории» г. Кареева,

в) с отзывом М. А. Адриянова о брошюре г. Кареева «Заметки о преподавании истории в средней школе» и об учебниках г. Кареева с педагогической точки зрения,

г) с отзывом М. И. Помяловского об учебниках истории г. Виноградова с той же точки зрения,

д) с сравнительными характеристиками ~~учебных~~ книг гг. Кареева и Виноградова как учебных руководств данными В. В. Фёдоровым и А. Е. Пресняковым⁷, обсудив все названные отзывы и мнения, в собраниях 28 апреля, 11 мая и 23 мая, пришла к следующим заключениям:

1) Учебные книги гг. Кареева и Виноградова отличаются бесспорными научными достоинствами и в этом отношении они ~~представляют~~ ~~особое~~ ~~стоят~~ ~~всех~~ ~~выше~~ ~~всех~~ прочих существующих в нашей педагог[ической] литературе учебников *всеобщей* истории. ~~Отличительные~~ Критические замечания, сделанные в свое время ~~в~~ ~~педагогической~~ ~~литературе~~ *специалистами* о недостатках в содержании этих учебников сводятся к указанию частных промахов и недосмотров, к[ото]рые неизбежны в такого рода

² Здесь и далее курсивом выделен текст, вписанный сверху строки.

³ Адриянов Михаил Александрович (1850 – 1918) – наставник-руководитель гимназии при Историко-филологическом институте – специалист по истории Франции и России.

⁴ Пресняков Александр Евгеньевич (1870 – 1929) – российский и советский историк, член-корреспондент РАН (1920).

⁵ Помяловский Михаил Иванович (1875 – не ранее 1938) – педагог, историк, археограф, преподавал в ряде гимназий. Он автор ряда учебных книг и пособий [11].

⁶ Георгиевский Александр Иванович (1830 – 1911) – один из главных деятелей по введению классической системы образования в Российской империи. Председатель УК (1873 – 1898).

⁷ Все поименованные отзывы и мнения при сём прилагаются. Текст написан внизу страницы.

общих трудах и легко исправимы. Равным образом неловкости и ~~бее~~ нетактичности в отношении тем (~~неневедных~~) религиозных и политических, как указанные в выписке из журнала Уч[ёного] ком[итета] 12 февраля 1901 года, так равно и другие, не имеют, по мнению Комиссии, характера вредной тенденции, а являются последствием *или* простой необдуманности, или влияния иностранной исторической литературы, находящейся, как известно, в других условиях исповедных и общественных. Ввиду этого по содержанию своему учебники гг. К[ареева] и В[иноградова] представляются Комиссии допустимыми для употребления в старших классах средних учебных заведений, начиная с V класса гимназий. Для IV же класса гимназий, а равно и для реальных училищ курсы древней истории гг. К[ареева] и В[иноградова] вряд ли могут быть пригодны уже по одному своему объёму.

2) При сравнении разбираемых учебников Комиссия единогласно признала преимущество за книгами Кареева в отношении простоты *изложения*, подбора и распределения учебного материала. Учебник г. Кареева, если не считать §§, отмеченных звёздочками и необязат[ельных] для ~~учащихся~~ изучения, *сравнительно* проще, понятнее

и доступнее для учеников; в то же время они не пространнее учебников г. В[иноградова].

3) Однако и те и другие из сравниваемых учебников страдают существенными недостатками в педагогическом отношении, а именно:

а) учебный материал в них слишком велик и нуждается в сокращении;

б) главное внимание устремлено на так называемые внутренние процессы с некоторым пренебрежением к элементу биографическому и анекдотическому, что обуславливает собою сухость и трудность учебников;

в) в зависимости от количества ~~этого~~ и характера материала изложение *бывает слишком* отвлечённо и схематично, иногда ж скомкано и сжато до невразумительности. Поэтому *разбираемые* учебники, в особенности же учебники г. В[иноградова], должны быть признаны очень трудными для ~~увеоения~~ учащихся, стоящими нередко выше их понимания и не вполне соответствующими условиям преподавания истории в нашей средней школе.

4) Такое несоответствие учёных достоинств и *степени* педагогической пригодности разбираемых учебников требовало бы, по мнению Комиссии, некоторых мер для устранения, по

возможности, существенного неудобства. Комиссия *не только не* находит возможным ~~не только~~ лишать учебники г. В[иноградова] данного им одобрения, но и *не считает справедливым* препятствовать допущению в школьное обращение сравнительно удобнейших во многих отношениях учебных книг г. К[ареева]. Она полагала бы только, что необходимо при сообщении одобрения последующим изданиям книг г. В[иноградова] поставить автору на вид настоятельную надобность исправления в педагогическом отношении его труда. Точно также ~~как~~ и г. Карееву при допущении его книг в школьное употребление могли бы быть сделаны настоятельные указания относительно необходимых сокращений и исправлений. Вместе с тем Комиссия находит, что наряду с этою мерою к улучшению разбираемых руководств могла бы быть принята более общая мера в том же направлении, а именно могла бы быть объявлена премия за лучшее руководство по всеобщей истории, составленное ~~по указаниям~~ соответственно тем условиям, которые сочтёт нужным поставить Учён[ый] ком[итет]. Для этой цели возможно было бы воспользоваться уже существующими *при*

Уч[ёном] ком[итете] премиями Императора Петра В[еликого]. По утверждённому порядку присуждение этих премий, премий по группе «история и география» имеют быть присуждены в 1904 году, и срок подачи сочинений по этой группе определён в конце 1903 года. Можно было бы немедленно опубликовать о том, что предпочтительное право на ~~это~~ премию *по истории* будет предоставлено руководству по всеобщей истории, удовлетворяющему известным требованиям; требования же эти могли бы быть определены *как* на основании ~~как~~ соображений, представляемых ныне комиссией Уч[ебному] к[омитету], так и на основании других данных, какие угодно будет принять в соображение Учёному комитету. Этим путём всего скорее можно ~~было бы~~ ожидать не только появления новых учебных книг по истории, но и переработки существующих в желательном с педагогической т[очки] зрения ~~мысле~~ направлении.

О вышеизложенном Комиссия имеет честь представить Уч[ёному] ком[итету] тр[уд]. 15 мая [1]901.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 508. Л.1– 8.

Библиографические ссылки

1. Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками : в 2 т. / отв. ред. С. О. Шмидт ; сост. В. Г. Бухерт. Т. 2. Кн. 1. М. : Наука, 2011. 320 с.
2. Виноградов П. Г. Учебник всеобщей истории. Новое время. М. : Книжный магазин И. Дейбнер, 1896. 248 с.
3. Иловайский Д. И. Ответ рецензентам моих учебников // ЖМНП. 1901. № 5. С. 235 – 238.
4. Иловайский Д. И. История России : в 5 т. М. : тип. Грачева и К°, 1876. Т.1. Ч.1. С.V – VI.
5. Кареев Н. И. Учебная книга древней истории. С историческими картами. СПб. : М. М. Стасюлевич, 1901. 309 с.
6. Мамонтова М. А. С. Ф. Платонов: поиск модели исторического исследования : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 224 с.
7. Митрофанов В. В. Научно-методические подходы С. Ф. Платонова к составлению ученических атласов по истории (вступ. ст., публ., коммент.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (61). С. 7 – 29.
8. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение : монография. Белгород : Константа, 2018. 216 с.
9. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч.1. Д. 508. Л. 2, 4 – 6; Ч. 2. Д. 2623. Л. 9, 14; Д. 4216. Л. 3.
10. Платонов С. Ф. Рец.: Иловайский Д. И. История России. Т. III. Московско-царский период. Вторая половина или XVI в. М., 1890 // ЖМНП. 1891. № 3. С. 180 – 199.
11. Помяловский М. И. Очерки русской истории. Элементарный курс средних учебных заведений. 4-е изд. СПб. : А. К. Пурышев, 1913. 148 с.
12. С-Петербургский архив Российской Академии Наук. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5401. Л. 6 об.
13. Степанский А. Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. Пособие по спецкурсу. М. : МГИАИ, 1979. 81 с.
14. Фукс А. Н. Школьные учебники Д. И. Иловайского и их реакционная сущность // Преподавание истории в школе. 1982. № 5. С.75 – 79.

15. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М. : МГОУ, 2010. 490 с.

V. V. Mitrofanov

**S. F. PLATONOV'S PARTICIPATION IN ADMITTING OF TEXTBOOKS
OF N.I. KAREEV AND V. G. VINOGRADOV FOR USE IN EDUCATIONAL
PROCESS**

The publication makes it possible to determine the role of an outstanding historian and organizer of the education system in Russia S. F. Platonov in admission the so-called "professorial" textbooks, the authors of which were N. I. Kareev and V. G. Vinogradov, for use in educational process. Review, written by S. F. Platonov, illustrates his, in many ways, poorly studied activities in the Academic Committee of the Ministry of Public Education, as well as the methods of work of the censorship body itself.

Keywords: Scientific Committee, S. F. Platonov, N. I. Kareev, V. G. Vinogradov, «professorial textbooks», review, commission.

УДК 94 (470) "1914/1918"

А. А. Фортун

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ САРАТОВСКОГО ЗЕМСТВА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В представленной статье на материалах Саратовской губернии анализируется экономическая деятельность органов земского самоуправления в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, согласно которому земские учреждения Саратовской губернии не только эффективно осуществляли «новые» экономические практики, вызванные обстоятельствами военного времени, но и в отличие от некоторых других земств империи продолжали реализацию программ по развитию традиционных форм земской деятельности в экономической сфере.

Ключевые слова: Первая мировая война, Саратовская губерния, органы земского самоуправления, экономические практики, земские сельскохозяйственные склады, кооперативы, показательные поля, кустарные промыслы.

Одно из главных направлений в работе органов земского самоуправления Саратовской губернии – социально-экономическая деятельность. К 1914 г. практически во всех уездных земствах расходы на экономические нужды составляли около 10 %, занимающая третье место среди необязательных трат земских учреждений [13, с. 95]. Безусловно, тяжелое положение в земских финансах, вызванное войной, осложняло практическую реализацию этого направления во многих земствах [14, с. 186 – 211], тем не менее в расходной части бюджетов уездных земств Саратовской губернии экономические мероприятия составляли значительную долю. Так, если в 1915 г. на экономические нужды уездные земства выделили 518 659 руб. [4, л. 1-167], то к 1917 г. они возросли до 926 884 руб. [6, л. 1-203]. Из уездных земств Саратовской губернии резко выделялся Камышинский уезд, чьи ассигнования на экономические мероприятия только в 1916 г. составили более 140 тыс. руб., или 12 % всех расходов [15, с. 65].

Обстоятельства военного времени внесли существенные коррективы в налаженную хозяйственную и культурную работу земств, способствуя появлению новых направлений в экономических практиках. В частности, ближайшей задачей в области сельского хозяйства, поставленной войной уже в 1914 г., явилась уборка урожая, так как мобилизация мужчин в армию лишала деревню рабочих рук, что грозило гибелью значительной части озимых и яровых хлебов.

Земства пытались оказывать помощь семьям фронтовиков разными формами. Прежде всего это были денежные ассигнования. К примеру, Камышинское уездное земское собрание ассигновало 50 тыс. руб. на семена и на уборку хлебов для семей военнослужащих. Вольское уездное земское собрание выделило 17 тыс. руб. Денежную помощь семьям мобилизованных выделили и другие уездные земства: Петровское – 50 тыс. руб., Саратовское – 25 тыс. руб. [17], Балашовское – 5 тыс. руб., Царицынское – 10 тыс. руб. [2, с. 1207]. В целом за период 1914 – 1915 гг. уездные земства

России на помощь семьям призванных на войну ассигновали 4 466 075 руб. 50 коп (33 % от общей суммы ассигнований) [1, с. 53 – 55].

Кроме единовременных денежных пособий земства Саратовской губернии предоставляли семьям фронтовиков сельскохозяйственные орудия и машины из земских складов. Например, Вольское уездное земство на молотьбу и посев хлебов в сентябре 1914 г. выделило из сельскохозяйственного склада 19 молотилок, 26 веялок и 44 сеялки беднейшим семьям воинов на сумму 12 975 руб. [2, с. 1209]. К тому же управа дополнительно изыскала необходимые средства и пригласила 12 учеников из Вольского сельскохозяйственного училища в помощь крестьянам для работы с рядовыми сеялками [18]. Саратовское уездное земское собрание предоставило указанным семьям право пользоваться 63 рядовыми сеялками, 45 плугами и 68 пропашниками [17].

В годы войны в связи с оттоком рабочих рук из деревни возросла потребность населения в сельскохозяйственных машинах и механизмах. Балашовская уездная земская управа отмечала, что «... в этом году (1916 г. – *А.Ф.*) по сравнению с 1912 г. было продано в пять раз больше жаток и

сноповязалок и в десять раз молотилок» [19]. До войны земства, имея в своем распоряжении сельскохозяйственные склады, добились заметных результатов в деле распространения агрономических знаний и сельскохозяйственной техники среди крестьянского населения. Саратовская уездная земская управа с гордостью отмечала, что «... за 10 лет из земских сельскохозяйственных складов проданы 431 сеялка, 1 583 жнейки, 174 молотилки и 1 691 веялка» [Там же].

Однако в годы войны снабжение деревни земледельческими машинами и усовершенствованным инвентарем через сельскохозяйственные склады резко сократилось вследствие ряда причин. Во-первых, прекратился ввоз машин и орудий из-за границы [10, с. 24, 25]. Кроме того, мобилизация собственной промышленности, недостаток топлива, металлов, оккупация промышленных районов империи (Польша) способствовали сокращению производства собственных машин. Согласно подсчетам А. Л. Сидорова, за 1914 – 1916 гг. в России машин было произведено менее 50 % [25, с. 453 – 454] от довоенного уровня. В результате ассортимент сельскохозяйственных складов начал стремительно сокращаться. Балашовским складом в

1916 г. было выписано 700 шт. сноповязалок, получено же только 232; молотилок заказано 200 шт., доставлено менее половины запрашиваемого количества [24]. Во-вторых, большая часть складов губернии находилась в тяжелой финансовой ситуации. Несмотря на то что склады торговали в кредит с рассрочкой платежей до трех лет, многие крестьяне не имели возможности расплатиться за взятый ими инвентарь [13, с. 96 – 97]. В докладной записке председателя Саратовской уездной земской управы на имя губернатора от 19 января 1916 г. отмечалось, что «... за крестьянами уезда по покупке различных машин и орудий числится долг в размере 26 тыс. руб., получить который ввиду обстоятельств военного времени не представляется возможным» [3, л. 1-1 об]. Соответственно росла и задолженность складов перед поставщиками сельскохозяйственных машин. Например, при общем капитале Саратовского уездного склада в 56 тыс. руб. в 1916 г. долг разным фирмам и учреждениям составлял 70 тыс. руб. В итоге, заработав репутацию «неблагонадежного заемщика», земские склады все чаще получали отказ от фирм и заводов на приобретение сельскохозяйственных машин и инвентаря в кредит [3, л. 1-2].

В условиях дефицита необходимых материалов и недостатка денежных средств земства Саратовской губернии стремились наиболее рентабельно использовать имеющуюся базу сельскохозяйственных машин и орудий, в частности организовывали их ремонт. Камышинское уездное земство 21 января 1916 г. докладывало Саратовскому губернатору, что «... сельскохозяйственный склад уездного земства приступил к закупке у населения неисправных плугов, косилок, жаток, молотилок и другого для ремонта и последующей их эксплуатации; в настоящее время куплено и восстановлено 60 плугов» [5, л. 1-1 об]. С августа 1916 г. Камышинской земской управой были предприняты более серьезные меры в деле ремонта машин и орудий. В городе Камышине у К. И. Ефимова в собственность земства был приобретен небольшой чугунолитейный завод для «... отлива запасных частей и производства ремонта молотильных машин». Ввиду того что одного завода было недостаточно, уездная управа распорядилась «... взять в арендное содержание кузницы в слободах Рудня и Красный Яр» [5, л. 1 об]. Управа снабжала указанные кузницы углем, сортовым железом, инструментом, а в качестве живой си-

лы – военнопленными. На вышеперечисленные нужды уездным земством было ассигновано 14 тыс. руб. [5, л. 1 об].

Многие мероприятия в агрономической области земства осуществляли совместно с кооперативами. В годы Первой мировой войны численность кооперативов существенно выросла. По подсчетам А. П. Корелина, в 1914 г. общее число кооперативов составляло около 30 тыс., а к осени 1917 г. количество кооперативных объединений возросло до 64 тыс., охватив до половины населения империи [12, с. 366]. Первые кооперативные учреждения в Саратовской губернии появились еще в 70-е гг. XIX в. К 1914 г. в губернии насчитывалось порядка 255 кредитных учреждений, из них 223 кредитных товарищества и 32 ссудосберегательные кассы. К 1917 г. число кооперативов обоих видов возросло до 300. Общая сумма капиталов кредитных товариществ губернии в 1914 – 1915 гг. равнялась 1,3 – 1,5 млн руб. [21].

В годы войны земства по-прежнему оказывали поддержку кооперативному движению путем организации доступного кредита, который осуществлялся земскими кассами мелкого кредита. Согласно отчету Камышинской уездной кассы мелкого кре-

дита, за 1914 г. ее обороты выросли практически в 2 раза. Если за 1913 г. общий оборот кассы равнялся по приходу 191 420 руб., по расходу 191 383 руб., то в 1914 г. по приходу 330 465 руб., по расходу 330 258 руб. В 1914 г. касса выдала ссуд на сумму 93 515 руб., из коих в начале 1915 г. было уплачено 90 750 [8, с. 2 – 5]. К 1 января 1916 г. кооперативы Саратовской губернии получили займы на сумму около 2 млн руб. Из этой суммы на долю земств и земских касс мелкого кредита приходилось свыше 380 тыс. руб. Более того, необходимо отметить, что среди источников кредитования кооперативных организаций губернии земства занимали второе место после Государственного банка [20].

Земства Саратовской губернии очень часто выступали организаторами и участниками съездов кооператоров, в ходе которых обсуждались перспективы сотрудничества в самых разных областях. Например, в июле 1914 г. Камышинское уездное земство выступило организатором съезда кооператоров, на котором присутствовало свыше 100 чел. Цель съезда – организация кооперативами при содействии земств культурно-просветительских и экономических мероприятий в уезде [22]. 16 ноября 1916 г. при Саратовской

уездной земской управе состоялся второй съезд представителей кооперативов Саратовского уезда. Председатель уездной земской управы В. П. Григорьев, открывая съезд, обратился к присутствующим с призывом «... к объединению и организации сил для борьбы с общей разрухой, с общим сельскохозяйственным кризисом» [26, с. 12]. По ряду докладов, сделанных делегатами съезда, был принят ряд важных постановлений: о привлечении женщин к кооперативной работе; о необходимости вести посреднические операции через земства по ордерной системе; об установлении согласованных твердых цен на продукты обрабатывающей промышленности [Там же, с. 13].

Сотрудничество земств и кооперативов в годы войны проявлялось в самых разных формах. Особого внимания заслуживает опыт их взаимодействия при оказании помощи семьям призванных на войну. В течение июля-августа 1914 г. под эгидой земств в уездах Саратовской губернии были организованы комитеты помощи нуждающимся семьям, оставшимся без кормильцев [2, с. 1206 – 1219]. К задачам этих комитетов относилась организация сельскохозяйственных работ в семьях фронтовиков, призрение их детей, обеспечение нуждающихся одеж-

дой, обувью, топливом. В состав комитетов входили земские врачи, учителя, агрономы и кооперативные учреждения [2, с. 1211]. Ключевая роль отводилась именно кооперативам, на правления которых возлагалась задача сбора сведений о размерах агрономической помощи по уборке, вспашке и обсеменению полей. Плодотворное сотрудничество продолжилось и в последующее время. Например, Камышинское уездное земство в 1915 г. призвало на помощь кооперативные учреждения уезда с просьбой «... организовать местным трудом помощь нуждающимся семьям запасных в весенней обработке и обсеменении полей в новом году» [7, с. 7].

В годы войны в Саратовской губернии предпринимались попытки объединения земств и кооперативов в деле совместного сбыта сельскохозяйственных машин и орудий. 2 февраля 1915 г. при Балашовской уездной земской управе под председательством Н. А. Салова (председатель управы) состоялось совместное совещание земства и 25 представителей правлений кооперативов. На совещании управой был поставлен вопрос: «... не будет ли целесообразно объединить всю закупку машин и орудий кооперативам при земской управе, выработав соответ-

ствующие условия?». Однако достигнуть консенсуса по этому вопросу не удалось. Большая часть кооперативов высказалась против идеи объединения, мотивируя это решение наличием различных рисков. Более того, кооперативы поставили земству встречное условие: «...земство должно прекратить единоличное кредитование, тогда и хозяева поневоле будут обращаться с заказами к товариществам» [23]. В итоге было принято решение создать совместную комиссию для более детальной проработки вопроса, однако к практической части реализации проекта так и не приступили.

Вопрос о передаче торговли сельскохозяйственным инвентарем кооперативным учреждениям стал предметом обсуждения и в ходе Камышинского уездного земского собрания 4 января 1915 г. Земский агроном Е. К. Антипин отметил, что «... в настоящее время земство ведет посредническую торговлю сельхозинвентарем через кооперативы, однако они расплачиваются с земством всё теми же долговыми обязательствами населения» [9, с. 15]. Поэтому весьма желательно, считал агроном, «... сосредоточить в руках кооперативов все полномочия». Но гласные и председатель управы М. Х. Готовицкий предпочли отложить вопрос до

окончания войны, полагая, что в настоящий момент нет выработанных правил «... совместной деятельности земства и кооперативов по распространению инвентаря» [9, с. 15, 16].

Необходимо отметить, что подобная ситуация в годы войны была характерна не только для Саратовской губернии. Исследователи кооперативного движения склонны считать, что отсутствие консенсуса между земством и кооперацией стало следствием ряда причин. Например, А. П. Корелин полагает, что по мере укрепления своих позиций правления кооперативов не желали соглашаться с отводимой кооперации подчиненной ролью «суррогата» земской организации, ее исполнительного органа. Более того, кооперативы все еще относились к земствам, как к «господским» учреждениям [12]. Т. А. Кобзева и другие, соглашаясь с вышеуказанной точкой зрения, отмечали, что лидеры кооперации в земледельческих губерниях строили грандиозные планы по освоению хлебного рынка, чему, в свою очередь, пытались воспрепятствовать как государство, так и земство [11, с. 32].

Помимо мероприятий, вызванных к жизни обстоятельствами военного времени, земства Саратовской губернии развивали традиционные фор-

мы своей экономической деятельности. В целях популяризации агрономических знаний уездные земства продолжали содержать на свои средства показательные поля, призванные продемонстрировать населению, какие культуры благоприятны для разведения. Камышинское уездное земство в 1916 г. имело в своем распоряжении два показательных поля. В течение 1913 – 1916 гг. на этих полях была успешно акклиматизирована озимая пшеница американского сорта, получившая название «Руднянка». Как показали опыты, по урожайности новый сорт пшеницы, со слов земцев, «... имел преимущество даже перед селекционной» [7, с. 26, 27]. Уездные земства в годы войны продолжили выделять ассигнования на опытные поля. Если в 1913 г. сумма уездных земств на содержание опытных полей равнялась 14 тыс. руб., то в 1917 г. она возросла до 20 тыс. руб. [13, с. 98]. Губернское земство придавало большое значение развитию опытного дела в губернии, об этом можно судить по выделяемым ряду уездных земств субсидиям. На 1915 г. губернская управа распорядилась выделить 14 тыс. руб. на поддержку опытных полей в семи уездах губернии [16, с. 532].

Особое место в экономических мероприятиях земств занимало развитие кустарных промыслов, сводившееся в годы войны к субсидированию кустарных мастерских. К числу подобных заведений относились шорные, бондарные, коврово-ткацкие, экипажные, мастерские по производству огнеупорной черепицы и керамических труб для водопроводов [13, с. 99]. В Камышинском уезде в с. Рудня функционировала учебная корзиночная мастерская «Ученый лесовод Гортынский». В 1915 г. в мастерской числилось 12 чел. Мастерская принимала заказы на изготовление «... как грубых корзин, так и изящной мебели». При кустарной мастерской имелась заложенная в 1911 – 1912 гг. плантация размером в 5,5 десятины по выращиванию краснотала, урожай которого в 1914 г. составил 400 тыс., в 1915 г. – 600 тыс. прутов. В течение 1915 г. было изготовлено изделий на сумму свыше 460 руб. Однако большое количество заказов выполнить не удалось из-за мобилизации в 1915 г. трех учеников в действующую армию. Ежегодный расход на мастерскую определялся земством в сумме 1 320 руб. [7, с. 49 – 50]. На 1916 г. мастером В. В. Гортынским было запланировано расширение мастерской и объявлен

новый набор на 20 чел., для чего у управы «... дополнительно испрашивалось 1 700 руб.» [7, с. 51]. Кустарные мастерские развивались и в других уездах. Например, в Саратовском в 1915 г. общее число учащихся в них равнялось 65, а сдельно работающих – 39 чел. В 1914 – 1915 гг. на развитие кустарных промыслов Саратовское уездное земство выделило 13 тыс. руб. [19].

Земства по-прежнему содействовали развитию огородничества и садоводства, главным образом по содержанию инструкторского персонала, садов, питомников.

Основным методом по борьбе с оврагами и сыпучими песками, как и в довоенное время, оставалась посадка шелюги и сосны. Так, Камышинское уездное земство в 1915 г. для борьбы с оврагами организовало посадку шелюги на площади свыше 78 десятин, сосны – 155,5 десятины. Кроме того, для образования защитных и снегосборных полос посажено деревьев лиственных пород на 1,56 десятины. В течение 1915 –

1916 гг. на перечисленные работы уездным земством было ассигновано 1 500 руб. [7, с. 58 – 60].

Таким образом, необходимо констатировать, что война внесла существенные коррективы в налаженную экономическую деятельность земских учреждений. Земства были вынуждены уделять большое внимание новым, ставшим приоритетными в годы войны экономическим практикам, в частности, оказывать всестороннюю помощь семьям фронтовиков. Следует отметить, что их работа в этом направлении совместно с кооперативными учреждениями была отлаженной и эффективной. Вместе с тем земства Саратовской губернии, в отличие от большинства российских земств, несмотря на трудности военного времени, продолжали реализацию программ по развитию традиционных форм экономической деятельности в области агрономии, кустарных промыслов и других областях.

Библиографические ссылки

1. Ассигнования губернских и уездных земств на нужды, вызванные войной. М., 1916. С. 53 – 55.
2. Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1914. № 10. С. 1207 – 1219.

3. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4531. Л. 1-2.
4. Там же. Д. 4576. Л. 1-167.
5. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4698. Л. 1-1 об.
6. Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 4100. Л. 1-203.
7. Доклады Камышинской уездной земской управы и смета на 1916 г. Камышин, 1916. С. 7 – 60.
8. Доклады Камышинской уездной земской управы экстренному земскому собранию 8 марта 1915 г. Камышин, 1917. С. 2 – 5.
9. Журналы экстренного и чрезвычайных земских собраний Камышинского уездного земского собрания 1915 г. Камышин, 1917. С. 15, 16.
10. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 24, 25.
11. Кобзева Т. А. Земство и кооперативное движение в Симбирской губернии в начале XX века // Власть. 2013. № 5. С. 32.
12. Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860 – 1917. М., 2009. С. 366.
13. Морозова Е. Н. Экономические мероприятия Саратовского земства (1890 – 1917) // Поволжский край : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 13. С. 94 – 109.
14. Петровичева Е. М. Земское самоуправление Центральной России в 1906 – 1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
15. Проекты сметы расходов и доходов Камышинской уездной земской управы на 1916 г. Камышин, 1915. С. 65.
16. Проекты сметы расходов и доходов Саратовской губернской земской управы на 1915 г. Саратов, 1914. С. 532.
17. Сельскохозяйственный вестник Камышинского уездного земства. 1914. № 8. авг.
18. Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 23. 1 дек.
19. Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1916. № 2. 10 фев.
20. Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1917. № 14 – 16. 15 авг.
21. Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1917. № 3. 1 фев.

22. Сельскохозяйственный листок Балашовского уездного земства. 1914. № 8. авг.
23. Сельскохозяйственный листок Балашовского уездного земства. 1915. № 1. янв.
24. Сельскохозяйственный листок Балашовского уездного земства. 1916. № 7, 8. авг.
25. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 453, 454.
26. Экономический бюллетень Юго-востока России. 1916. № 2. нояб. С. 12 – 15.

A. A. Fortun

ECONOMIC MEASURES OF SARATOV ZEMSTVO DURING THE FIRST WORLD WAR

This article analyzes the economic activity of local self-government bodies during the First World War on the materials of the Saratov province. The author comes to the conclusion that the Zemstvo institutions of the Saratov province not only effectively implemented "new" economic practices caused by the circumstances of wartime, but also, unlike most Zemstvos of the Empire, continued to implement programs for the development of traditional forms of Zemstvo activity in the economic sphere.

Keywords: World War I, Saratov province, zemstvo self-government bodies, economic practices, zemstvo agricultural warehouses, cooperatives, demonstration fields, handicrafts.

УДК 808.2

Е. Ю. Рыкин

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ОГРАНИЧЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются различные варианты распространения специальных устойчивых единиц древнерусского текста – сочетаний с творительным падежом ограничения, минимальная структура которых представлена прилагательным (реже – другими частями речи) и существительным в творительном падеже.

Ключевые слова: сочетание с творительным падежом ограничения, определительное толкование, парное именование, устойчивое сравнение.

В настоящее время важным для лингвистической науки является изучение языковых фактов на диахронном уровне. Несмотря на безусловные успехи в этой области исследований, необходимо отметить, что, к сожалению, здесь имеются и определенные проблемы. Так, например, недостаточно изучены особенности семантики, структуры и функционирования некоторых устойчивых выражений древнерусского текста. Многоаспектный анализ некоторых типов устойчивых выражений древнерусского текста представлен в [1; 2; 3; 4; 6]. В настоящей статье мы рассмотрим один из вопросов, связанных со структурой специальных устойчивых единиц древнерусского текста (синкретем, по терминологии М. Вас. Пименовой [5]) – сочетаний с творительным падежом ограничения, под которыми мы будем понимать устойчивые выражения, состоящие чаще всего из главного компонента-прилагательного (реже в данном качестве выступают существительное, причастие и глагол) и зависимого компонента-существительного в форме творительного падежа, ограничивающего сферу приложения признака, названного главным компонентом [6, с. 11]. Как видно из данного

определения, минимальная структура изучаемых сочетаний представлена двумя компонентами. Следует заметить, что в древнерусском языке имеются и контексты, в которых сочетания с творительным падежом ограничения состоят из трех и более элементов. Рассмотрим более подробно данные случаи.

Во-первых, в данных сочетаниях могло происходить распространение зависимого компонента прилагательным: *Болѣ двадесятий лѣтъ видимою врѣстою, болѣ же ста лѣтъ разумным остроумием, аще бо и млад сый возрастѣмъ телеснымъ, но стар сый смысломъ духовнымъ и съвършенъ божественною благодатию* (Житие Сергия Радонежского). *Мати же его мало не паде на землю от многа страха, и трепетомъ великимъ одръжима сущи* (Житие Сергия Радонежского). *И пойде с казанскими татары и с послы, великою печалию одержимъ сый* (Казанская история). *Уноша бѣ нѣкто именемъ Никола, дѣмонскимъ мучениемъ одръжимъ, лежаще мѣсяць шесть, огнемъ великимъ одръжимъ* (Чудеса Николы Мирликийского).

Зависимым от существительного в творительном падеже могло быть и местоимение: *А на той странѣ рѣки*

такъ же мѣсто чудно и всякими добротами украшено (Волоколамский патерик). *Шед же к Днепру, взведе на гору Василиа, положиша его на раѣ святаяго, и такъ вѣстав, ѡѣл и здрав бысть всѣмъ тѣломъ, вдаст же игумену 100 гривень сребра и 50 гривень злата* (Киево-Печерский патерик). *Не о вѣшинеи бо мудрости великыи с радостотворною оно имѣя, но отъ благодати утѣшителныи свѣтъ в сѣрдцы си приим, сия изрече, бѣ бо сладок словомъ, премудр же разумомъ, всѣми образы украшенъ, ими же о Бозѣ богатѣетъ чловѣкъ, сими всѣми исполненъ* (Житие игумена Никона). В очень редких случаях позицию зависимого компонента занимало числительное: *Того же мѣсяца 20, гроба чудотворецъ Богъ простилъ отроковицу единѣмъ окомъ слѣпу, да мужа с женою беснуемыхъ* (Независимый летописный свод 80-х годов XV века).

К частной разновидности обозначенного выше способа распространения сочетания с творительным ограничением можно отнести ситуацию, при которой конструкция «существительное в тв. п. + существительное в р. п. + прилагательное» представляет собой определительное толкование вида N1+N2/ N2+N1, включающее в себя

«два имени существительных, одно из которых обозначает материальный объект, выступая в различных падежных вариациях, а другое – духовный признак, реализуясь в родительном падеже и выступая в роли определения» [1, с. 11]: *Вездѣ о мнѣ проповѣдаеши, и писании твоими угоднѣишими мене чествуѹ поздравляеши въ них же пакы ты славны православныя церкви свѣт, солнца яснѣ, мои темныи умъ, **мракомъ невѣдѣния омраченъ**, к осиянию вѣчнаго свѣта призываеши, она и вышняя лѣпота чловѣческыя жизни, **свѣтомъ премудрости просвѣщенная**, путь нравѣмъ, писания таинствомъ, правила живота, свѣтильникъ блудящимъ ногамъ моимъ на рукахъ Вавилонскихъ* (Сочинения Федора Ивановича Карпова). *И приидох тамо благословитися к нѣкому старцу - мужу добродѣтелну, въ всѣхъ исправлениихъ пребывающу и **премудростию разума украшену**, Спиридону именемъ, бывшему митрополиту Киевскому* (Жития Зосимы и Савватия Соловецких).

Главный компонент сочетания с творительным ограничением также мог распространяться зависимыми компонентами, чаще всего – наречиями: *И нѣкий от вел'можъ резанскихъ завистью насочи безбожному царю Ба-*

*тыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣтъ у себе княгыню отъ царьска рода, и **лѣпотою тѣломъ красна бѣ зело*** (Повесть о разорении Рязани Батыем). *Бѣ же тѣмъ прѣдреченный вельможа **бѣсомъ мучимъ людемъ*** (Житие Сергия Радонежского). *Мужие антиньстии, Александру не противитися, целоумну в мужествѣ, аще младъ есть, земскою славою великъ и **войскомъ крѣпокъ есть зело*** (Александрия). *Онъ же, иже **поистинѣ теплыми душою** на Божию любовь Варламъ, идый путьмъ* (Житие Феодосия Печерского). *И самодѣръжыць великъ показася, и страхъ его обдержаше вся язычскыя страны, и бысть вел'ми премудръ и храбръ, и усердъ, и **крѣпко силенъ тѣломъ*** (Казанская история). *Ужасе же ся воевода приставникъ, яко не убрже ея, бѣ бо **образомъ** царица **та зѣло красна** и в разумѣ премудра* (Казанская история). *И по мале времени, въ единъ отъ днии молящуся ему в кѣлии своей, приидоша к нему два мужа **свѣтлы зѣло образомъ**, влекуще за собою кережу* (Жития Зосимы и Савватия Соловецких). *Бяше бо по премногу боголюбивъ сынъ, наипаче же реши и мнихолубивъ зѣло, и страннолюбивъ, **велими тепль** сынъ **вѣрою** и истиннаго любомудрия*

рачитель сыи (О великом князе Иване Даниловиче). *Нѣкий человекъ новъгородецъ, рода бояр'ска, Василии именемъ, бѣ же силою вел'ми мочен, живый непотребно житие, сирѣчь буюч'ско, бѣ бо разбойник лют* (Жития Зосимы и Савватия Соловецких).

В представленных ранее вариантах распространения минимальной структуры изучаемых сочетаний расширение происходит на основе подчинения, т. е. присоединения к компоненту данной конструкции зависимого элемента. В расширении сочетаний с творительным ограничением могут принимать участие и сочинительные ряды: *И бѣ у него сынъ красен лицомъ и душею, и на сего паде жребий по зависти дияволи* (Повесть временных лет). *Бѣ бо раслабленъ тѣлом и умом, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати и не сѣдети* (Повесть временных лет). *Бысть старецъ въ единомъ палестинских монастырь, житиемъ и словомъ украшен, от самых пеленъ возрастъ чернечьскимъ обычаемъ и вещьми, и священствомъ обложенъ* (Житие Марии Египетской). *Въста нѣкий царь в той странѣ именемъ Авенирь вели бо бысть богатствомъ и силою* (Повесть о Вар-

лааме и Иоасафе). *Бѣ бо раслабленъ умомъ и тѣломъ* (Киево-Печерский патерик). *Едва по многихъ часѣхъ оживе плоть его, бѣше языкомъ нѣмъ, и руками и ногама раслабленъ, плоть его терзаяся* (Независимый летописный свод 80-х годов XV века). *Воистину, въ древнихъ царехъ нѣсть таковаго слыхати, красна лицомъ и ризами* (Слово похвальное (икона Фомы)). *Нектанав и рече сице, яко отроча сие всеи подѣсолнечной будетъ царь и благостию, и разумомъ, и мудростию великъ явлься* (Александрия). *Бѣше нѣкий купецъ в томъ же славнемъ величемъ Новѣградѣ, именемъ Андрѣй, богатъ имѣниемъ и добродѣтелию* (От жития преподобного отца Саввы...). *Нечестивии же от устъ святаго слышавше таковая, срамомъ и гнѣвомъ одрѣжими, распыхаху ся на нь и емше святаго, великимъ поруганиемъ и срамомъ предѣ судию ведоша* (Мучение святого и прославленного великомученика Христова Георгия Нового). *Вѣстници на конехъ прибежавше, не воиньскыя люди, но воины Христовы на невидимыхъ врагъ, черны образомъ и дѣлы* (Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков). *Радуися, свѣтитѣлю Филиппе, твердыи умомъ, благодатию и ис-*

тиною освященнии (Песнопения службы митрополиту Филиппу). Интересно, что в некоторых контекстах прилагательное или причастие находится между существительными: *Василко бо бѣ возрастомъ середний, умомъ велик и дерзостью* (Галицко-Волынская летопись). *Созомен глагола ему, страхомъ одържымъ и радостью* (Из «Изборника» 1076 года).

Сочинительный ряд из двух существительных в творительном падеже может представлять собой еще одну устойчивую единицу древнерусского текста – парное именование, под которым понимается «сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц (чаще существительных), реализующих нерасчлененное значение парности» [2, с. 16]: *И таков си изыдоша отъ воды, просвѣщены душею и тѣломъ, радующеся и славяще и хваляще Христа Бога* (Житие...царя и великого князя святого и праведного Владимира). *Онѣмъ же, сѣдящимъ в темницы, и скорбию одержими и печалию, глаголаху сами к собѣ...* (Слово на Рождество Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа). *Итого ради богоподражател'ныи самодержьци, храбрый душею и тѣломъ, великыи князь Яро-*

слав, прииде въ Орду к беззаконному царю Батыю (О благоверном и хранимом прямом наследнике великом князе Ярославе Всеволодовиче). *Увидѣвъ убо тебе, о царю, разумъмъ и мудростью украшена, и дрѣзахъ, еже бесѣдовати царству ти* (Стефанит и Ихнилат). *Священнику же о семь недоумѣющуюся, паче же страхомъ и трепетомъ одержымъ о старьцевых глаголѣхъ, якоже сам извѣствоваше мнѣ* (Рассказ о смерти Пафнутия Боровского). *Видящее же люди крестияны суци, радовашеся душею и тѣломъ* (Повесть временных лет). *Игумен же и братия страхомъ и ужасомъ многымъ одържими, не разсудив богодарованного того дара, повелѣша из гроба святаго воду испустити* (Житие Мартиниана Белозерского). *Таков сыи страстьныи аз, грѣшныи Еуфимий, худыи, немощныи душею и тѣломъ* (Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова).

Средством связи между существительными в творительном падеже в большинстве случаев выступает соединительный союз *и*. Существительные в составе сочетаний с творительным падежом ограничения могут быть соединены и союзом *но*, подчерки-

вающим противительные отношения между значениями данных существительных: *Вторый печерський игумене Феодосие, аще не именемъ, но дѣлы и вѣроу равен сый оного святости* (Слова и поучения Кирилла Туровского). *Сий убо преподобный Спиридон бѣше невѣжа словомъ, но не разумомъ* (Киево-Печерский патерик).

Более сложный вариант расширения сочетания с творительным ограничения представляет собой распространение данных конструкций устойчивым сравнением, под которым понимается лексико-семантическое и грамматическое единство трех и более компонентов, обладающего синкретичным значением признака и выраженного посредством сравнительного оборота с союзами *яко, аки, акы, якоже* [3, с. 5]. Количество таких контекстов незначительно: *Сердоболши же его вязаху путы желѣзными и привезоша в монастырь Воскресения Христова к блаженному Кириллу, и едва с нуждою введоша и въ црковь зѣло вопиющая и лающая злѣ, взоромъ яко звѣрь ревый* (Житие Кирилла Новозерского). *Бысть убо яко младенцы умомъ, и бысть требующие млека, а не крѣпкы пища* (Ответ Ивана Грозного Яну Роките). *Ты правдою бѣ*

облѣченъ, крѣпостию прѣпосясанъ, истиною обуть, смысломъ вѣнчанъ и милостынею яко гривною и утварию златою красуюся («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). В выделенных конструкциях главный компонент обозначает эталон сравнения (как элемент устойчивого сравнения) и одновременно характер оценки (как элемент сочетания с творительным ограничения), а существительное в творительном падеже, являясь в одно и то же время компонентом устойчивого сравнения и сочетания с творительным ограничения, указывает на основание сравнения и основание оценки.

В конце нашего обзора приведем примеры соединения перечисленных выше вариантов расширения минимальной структуры сочетаний с творительным падежом ограничения: *Вручаетъ старѣишество своему присному ученику, суцу въ добродѣтели свершену, и во всем равно послѣдующу своему учителю, тѣломъ убо младу, умомъ же зѣло сѣдинами цвѣтущи* (Житие Сергия Радонежского). *Радися съ темъ, кто в чемъ бывалъ и смиренъ, и свершенъ умомъ своимъ и повѣденъ емъ своимъ* (Тайная тайных). *Бѣ бо изъмлада житиемъ чистымъ укра-*

шен, добрыми дѣлеси, вѣроу же и смыслм паче (Житие Феодосия Печерского). *Бѣста же растомъ и видѣнием красна зѣло* (Сказание об Евстафии Плакиде). *А отъ того же града есть градъ именемъ Афратъ – великъ и чуденъ, и именемъ многим и хитрымъ рукоделиемъ преумножен* (Хождение на Флорентийский собор). *Ту стоит столпъ чуденъ велми толстотою и выотою и красотою, издавеча с моря видѣти его* (Хождение Стефана Новгородца). *Мнози свидѣтельствуютъ добродѣтельное его житие, яко великъ подвижникъ бысть въ монастыри томъ, пустынное бо и отходное жителство любя, всякимъ послушаниемъ и смирениемъ, и кротостию украшен, много лѣтъ поработавъ въ монастыри* (Жития Зосимы и Савватия Соловецких). *Онъ же, обычнымъ смирениемъ и кротостию одержимъ сый, и сѣдя въ малѣ пищи причастися, бѣше бо отъ юности любя безмолвие, не точию на трапезѣ, но*

и всегда (Жития Зосимы и Савватия Соловецких). *Архиепископъ же позна святость старчю, яко премудростию духовною и разумомъ и словомъ украшен* (Житие Корнилия Комельского).

Итак, отмечается наличие многих вариантов распространения компонентов сочетаний с творительным ограничением. Может показаться, что это сигнализирует о частичной утрате данными сочетаниями такого важного признака, как устойчивость. Нам кажется, что это не так, ведь присоединяемые к компонентам сочетаний с творительным ограничением на основе подчинительной и сочинительной связей элементы не разрушают данные конструкции, которые остаются устойчивыми, а лишь увеличивают их протяженность. Вопрос об утрате синкретемами устойчивости более сложен и требует рассмотрения разных сторон, касающихся семантики, структуры и функционирования в тексте данных сочетаний.

Библиографические ссылки

1. Антипова И. А. Способы толкования символа в древнерусском тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.
2. Артамонова М. В. Парные именованья в древнерусском тексте : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2005. 171 с.

3. Богрова К. М. Устойчивое сравнение в древнерусском тексте: семантика и структура : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2012. 181 с.

4. Пименова М. Вас. Глагольные устойчивые единицы в диахронии // Русский глагол: история и современность : материалы междунар. лингвист. конф. (Будапешт). Будапешт : Russica Pannonicana. С. 25 – 30.

5. Пименова М. Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Владимир, 2007. 415 с.

6. Рыкин Е. Ю. Сочетания с творительным ограничения как средство выражения оценки в древнерусском тексте : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2014. 196 с.

E. Yu. Rykin

**MULTICOMPONENT COMBINATIONS
WITH THE INSTRUMENTAL CASE OF RESTRICTIONS
IN THE OLD RUSSIAN TEXT**

The article considers various variants of distribution of special stable units of the old Russian text – combinations with the instrumental case of restriction, the minimal structure of which is represented by an adjective (less often – by other parts of speech) and a noun in the instrumental case.

Keywords: combinations with the instrumental case of restrictions, definitive interpretation, paired naming, sustainable comparison.

УДК 1 (091)

Л. Е. Жукова

ФИЛОСОФИЯ «БХАГАВАД-ГИТЫ» В БЕСЕДАХ ШРИ РАДЖНИША (ОШО)

Статья посвящена анализу философских концепций Шри Раджниша (Ошо), отраженных в его экзегетике древнеиндийской поэмы «Бхагавад-гита». Материалом для изучения явились комментарии Ошо к поэме, а также его лекции, записанные в разные годы учениками и последователями. В результате исследования выявляются особенности толкования религиозно-философской поэмы авторитетным духовным лидером, обусловленные противоречивыми взглядами автора.

Ключевые слова: древнеиндийская философия, Бхагавад-гита, эпос, Раджниш, Ошо, йога.

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо) (1931 – 1990) занимает особое место среди многочисленных комментаторов древнеиндийской поэмы «Бхагавад-Гита» (далее – БхГ). Будучи всемирно известным религиозным и духовным лидером, он составил о себе неоднозначное мнение в обществе, прежде всего благодаря критике религиозного догматизма, социализма, взглядов таких общественных деятелей, как Махатма Ганди, Мао Цзэдун, Иосиф Сталин.

Исследователи относят учение Ошо к неиндуизму, при этом отмечая, что оно «состояло из отдельных частей суфизма, даосизма, греческих философ, учения сикхов и буддистов и

т. д.» [11, с. 137]. Ошо также считают представителем философии постмодернизма [3, с. 231].

Примечательно, что Ошо никогда не писал книг, а его учение представлено в виде бесед, записанных его последователями. Оно не утратило популярности и после смерти автора, напротив, отношение к учению Ошо изменилось в положительную сторону, оно стало частью массовой культуры не только в Индии, но и других странах мира. Книги, созданные на основе бесед Ошо, отличаются доступным языком изложения, так как сами беседы были ориентированы на широкую аудиторию, богатством метафор и

притч в собственной обработке Ошо. Нередко автор прибегает в них к категоричной и довольно резкой критике представителей других философских школ, но тем не менее содержание его высказываний не лишено оригинального подхода и глубокого смысла.

БхГ для Ошо не только исторически значимое произведение его родной индийской культуры. Он рассматривает её как повод обнажить уязвимые стороны других комментаторов, которых он считает откровенно слабыми, тем самым получая возможность заменить многообразие толкований Гиты собственным видением содержания поэмы. Его комментарии к поэме были записаны и переведены с хинди на английский язык учениками в период с 1970 по 1975 гг., а позднее изданы в книге «Gita Darshan».

Арджуна

Пожалуй, сложно найти комментарий к БхГ, в котором уделялось бы столь большое внимание личности воина Арджуны, как это сделано в беседах Ошо, посвященных идеям БхГ. Как правило, комментаторы сосредотачивают свои положения вокруг ответов Кришны, не отвлекаясь на вопросы и причины их возникновения у Арджуны. Ошо, напротив, считает Арджуну не менее значительной сторо-

ной диалога поэмы, чем Кришну. Постепенно на основе его реплик Ошо раскрывает различные стороны характера Арджуны, пытаясь передать всю полноту бушующих в нем сомнений.

С одной стороны, Ошо подчеркивает, что Арджуна – опытный воин, ему не чуждо убийство, «в умении убивать – сила Арджуны: меч сросся с его рукой, лук и стрелы – его сущность» [6, с. 129]. Его принадлежность к варне кшатриев, казалось бы, должна не только оправдать насилие, но исключить любые вопросы по поводу его моральной стороны. По словам Ошо, Арджуна настолько является кшатрием, что «в миру трудно найти человека, который был бы более кшатрием» [Там же, с. 126]. Действительно, Арджуна обладает всеми достоинствами кшатрия, которые Кришна перечислит в финале поэмы в шлоке 18.43:

«Сила, твердость, смекалка,
доблесть,
неспособность в бою
к отступлению,
прирожденная щедрость,
властность –
это признаки кшатриев, Партва»¹.

Но есть и другая сторона личности Арджуны, для раскрытия которой

¹ Здесь и далее приведен перевод «Бхагавад-гиты» Семенцова.

Ошо напоминает значение его имени. Слово «arjuna» в переводе с санскрита принимает множество значений, в том числе «чистый, светлый, белый». Являясь воином, он в то же время прямолинеен и справедлив. Кроме того, Ошо отмечает, что Арджуна умен, что «открывает возможность для целостного мышления» [6, с. 33]. Сочетание этих качеств личности Арджуны приводит его к сомнениям и даже внутреннему конфликту, он готов утратить одно из важных достоинств – «неспособность в бою к отступлению».

Несложно заметить, что человеческие качества Арджуны высоко оцениваются Ошо, считающим его воплощением «сознательного начала человека» [Там же, с. 79]. Арджуна живет далеко не в каждом из нас, а лишь в том, чей ум склонен к сомнениям и анализу. Таких людей Ошо называет мостом между животным и божественным началом и для примера приводит в качестве символа животного начала Дурьодхану, человеческого начала – Арджуну, а божественного – Кришну. Настоящий человек, по Ошо, постоянно «колеблется между животным и божественным» [Там же, с. 78].

Так, Ошо находит сущность человеческой природы в наличии сомнений, он призывает не принимать ниче-

го на веру до истинного испытания на собственном опыте, в частности, это справедливо в отношении слепой веры в Бога, существование которого Ошо отрицает. Он называет скептический ум «одним из самых прекрасных явлений в мире» [5, с. 4] и видит рациональность в поведении Арджуны, который не доверяет словам Кришны, многократно задавая ему одни и те же вопросы. Стоит возразить, что вопросы Арджуны все же далеко не одинаковы, а касаются различных аспектов учения Кришны, например, это вопросы об особенностях карма-йоги (5.1), о методах работы с сознанием (6.33, 6.34), о неполном следовании по пути йоги (6.37), о сущности атмана и Брахмана (8.1, 8.2). Тем не менее в вопросах Арджуны действительно звучат недоверие и сомнение, особенно до явления божественной сущности Кришны, например в шлоке 4.4:

«Но ведь жил Вивасват много
раньше
Твоего в этом мире рожденья,
как же мог Ты ему «в начале»
эту древнюю йогу поведать?»

Из многочисленных вопросов Арджуны следует, что он потерял веру в себя, общественные устои и даже в Бога. И лишь через это сомнение, преодоление внутреннего кризиса, с по-

мощью наставника Арджуна находит истину. Так, через акцент на антропологической проблеме, перенося ее значимость с уровня отдельной личности на уровень современного общества, Ошо доказывает важность фигуры Арджуны для поэмы и называет его подлинным автором БхГ, так как «его состояние сознания стало основой Гиты» [6, с. 70].

Кришна

Заметим, что если Арджуну Ошо объявляет автором БхГ, то Кришне он отводит исключительное место во всем своем учении, т. е. Ошо ни в коей мере не умаляет значения Кришны для поэмы. Он посвящает ему множество бесед, в которых старается подчеркнуть многообразие граней личности Кришны и тщательно раскрыть каждую из них. Прежде всего, он решительно считает Кришну самой значительной личностью в истории [7, с. 28]. С целью доказать свое утверждение он ставит его во главе ряда таких религиозных лидеров, как Будда, Христос и Махавира. В то время как трое последних представляли человеческую жизнь как место, полное страданий, и фактически отрекались от нее в пользу жизни в каком-то другом мире, Кришна принял именно земную жизнь во всей ее полноте. Ошо противопостав-

ляет монашескому аскетизму и отречению жизнерадостные игру на флейте и танцы Кришны. Махавира и Будда принимают санньясу, чтобы уничтожить страдания, Кришна же, по мнению Ошо, принимает ее «из радости и блаженства», благодаря чему Ошо наделяет Кришну еще одним красноречивым эпитетом: «саньясин блаженства» [7, с. 31].

Личности Будды, Христа и Махавиры совершенно не противоречивы, по словам Ошо, тогда как личность Кришны определить невозможно, т. е. «у него нет системы, структуры, формы, границы» [Там же, с. 57]. При этом Ошо не умаляет достоинств подвижников, признавая, что они достигли полноты личности в определенном направлении, тогда как Кришна выразил себя во многих измерениях. Так, он является человечеству в образе искусного музыканта, танцора, вора, воина, защитника дхармы, так как «направил свою энергию во всех направлениях» [Там же, с. 59]. Будучи искусным оратором, для убеждения слушателей Ошо применяет интересный прием: он меняет местами действия Христа и Кришны, утверждая, что невозможно представить, «чтобы Иисус играл на флейте, но легко представить, как Кришна идет на распятие» [Там же, с. 59]. На наш взгляд, образ Кришны на кресте в та-

кой же степени сложно представить, в какой забыть, каким грозным оружием (сударшана чакрой) он обладает, поэтому данное сравнение стоит отнести к разряду риторических уловок.

Раскрывая характер Кришны, Ошо стремится подчеркнуть его противоречия. Положительные нравственные качества он намеренно сочетает с не соответствующими им аморальными поступками. Так, Кришна свободен от жадности, гнева, насилия, привязанностей и все же играет в азартные игры, участвует в битвах, убеждает Арджуну убивать врагов, любит, как обычный человек. Ошо поясняет, что мирскому человеку сложно понять эти противоречия характера, так как «мы находим в Кришне все то, что есть в нас» [7, с. 79]. Одно из моральных качеств личности Кришны – полное отсутствие эгоизма [Там же, с. 34]. Ошо утверждает это, одновременно отражая потенциальный контраргумент оппонентов о проявлении крайнего эгоизма Кришны, отраженного в словах из шлоки 18.64:

«Бхакт Мой! Будь лишь
во Мне всем сердцем!
Жертвуй Мне! Только Мне
поклоняйся!
Так ко Мне ты придешь, Мой
любимый,
Я тебе обещаю неложно».

По мнению Ошо, это достоинство Кришны является неотъемлемым следствием отсутствия отречения Кришны и от счастья, и от боли, потому что при этих условиях эго исчезает. В призыве Кришны Арджуне предаться ему Ошо видит лишь «простоту, невинность и спонтанность» [7, с. 34]. Смысл этого изречения гораздо глубже – Кришна советует поклоняться самой жизни, т. е. принимать свою жизнь такой, какая она есть.

Разговор о БхГ редко не затрагивает тему насилия, и в этой связи Ошо поясняет еще один нравственный аспект личности Кришны, а именно, как этот неординарный человек понимает убийство и жестокость. Для этого он поясняет смысл, который Кришна вкладывает в шлоку 2.19:

«Один мыслит Его убитым,
другой думает: “Это убийца”;
в заблуждение и тот и этот:
не убит Он и не убивает».

При поверхностном взгляде в этих словах можно найти оправдание жестокости и насильственных действий. Однако Ошо категорически утверждает, что Кришна подразумевал нечто совершенно иное. Зло заключается не в самом убийстве, так как смерти, согласно учению Кришны, не существует; зло содержится в стрем-

лении к совершению насилия, «мотивации к жестокости» [6, с. 350]. Человек, заинтересованный в убийстве, оправдывающий насилие по отношению к живым существам, находится по другую сторону морали. Следовательно, по мнению Ошо, основное значение в вопросе оценки поступка человека с точки зрения морали приобретает не само действие, ведь уберечь кого-либо от смерти не представляется возможным, а его внутреннее намерение, поскольку «события происходят в реальности, но человек живет в своих мыслях и чувствах» [Там же, с. 351]. В пример Ошо ставит действия Махавиры, который старается уберечь от смерти даже муравьев, что важно не для муравья, смерть которого неизбежна, а для самого Махавиры, испытывающего чувство радости от осознания защиты живого существа.

Итак, Ошо однозначно показывает, что «насилие или убийство – это зло» [Там же], даже если опустить положение о том, что в реальности смерти не существует. Однако он сразу же ставит под сомнение свое утверждение, оправдывая идею войны не только в «Махабхарате», но и в целом в истории человечества. Так, он заявляет, что война играет важное значение в развитии общества, «все, что есть у человека

сегодня, все хорошее, было, в основном получено благодаря войне» [7, с. 13]. По его мнению, Кришна мог бы предотвратить войну, но не сделал этого, зная, что война несет с собой такие блага, как технический прогресс и благосостояние общества. Более того, Кришна относится к войне как к «части игры жизни» [Там же, с. 15]. Заявляя, что «жизнь проходит через обе двери – через дверь мира и через дверь войны» [Там же, с. 19], Ошо стирает грань между добром и злом, одновременно и провоцируя слушателя на внутренний протест, и разделяя принцип адвайта-веданты. Так, добро и зло явно объявляются одним из самых ярких представителей этой философской традиции Вивеканандой – «разными проявлениями одного и того же факта, являющегося сегодня как зло, а завтра – как добро» [12, с. 192]. Сам Ошо считает этот очень спорный принцип естественным, при котором «все пронизывает внутренняя гармония» [7, с. 199], а также ключевым для постижения личности Кришны.

Напоминая слова Кришны из шлоки 4.7 о многократном возвращении в земной мир, Ошо относит их к разряду необычных заявлений, которые «никогда еще не делал ни один просветленный» [Там же, с. 83]:

«Всякий раз, когда в этом мире
наступает дхармы упадок,
когда нагло порок торжествует,
Я себя порождаю, Арджуна».

Напротив, ни Будда, ни Махавира, как считает Ошо, не планируют возвращаться в этот мир, если в нем воцарятся неверие, болезни, беззаконие, так как они уже достигли нирваны. При этом он вовсе не наделяет Кришну более высокой степенью сострадания по сравнению с Буддой и Махавирой, а утверждает, что для Кришны возвращение в земное существование не представляет никаких сложностей. Возвращение не может нарушить его спокойствие, гневаясь бы он или любил. Такое состояние Кришны Ошо называет «активной пустотой» [7, с. 83], приводящей его к безграничной деятельности и противопоставляемой «пассивной пустоте» Будды и Махавиры. Отметим, что такое описание стороны личности Кришны отражает не что иное, как основной принцип карм-йоги – жизнь в активном действии без привязанности к результатам действия. Ошо не использует этот термин, однако в данном случае его суждения не расходятся с традиционной трактовкой одного из аспектов поэмы.

Ошо считает, что цельность личности Кришны подразумевает

жизнь в полном согласии с собственной природой. В этом контексте интересна его нетрадиционная трактовка понятия «дхарма», которое он поясняет на примере шлоки 3.35:

«Лучше плохо свершать свою
дхарму,
чем в чужой преуспеть, Арджуна:
путь другого, Партха, опасен,
смерть принять на своем пути –
благо».

Ошо утверждает, что в этом стихе Кришна использует слово «дхарма» как синоним индивидуальности, а не «в религиозном смысле, как индуисты, христиане или мусульмане» [7, с. 96]. Тогда шлока приобретает совершенно иной смысл: и жить и умереть необходимо в гармонии со своей природой, только в этом случае такая жизнь не будет лишена смысла. Далее Ошо касается разделения индийского общества на четыре варны, частично утратившие актуальность в наши дни, которые он трактует не как пожизненные общественные сословия, а как категории людей согласно их индивидуальным особенностям. Он утверждает, что такое деление возникло в древности «после глубокого изучения человеческой природы», но получило неправильное понимание. Так, к низшей варне шудра он относит тех людей, ко-

торые «находят радость в жизни только в процессе работы, только в служении» [7, с. 100]. Отметим, что такая трактовка варн созвучна общественным настроениям его эпохи и представляет собой хотя и оригинальный, но не революционный подход. Исследователь индийских религиозных традиций С. В. Пахомов видит причину подобных толкований в возможности «вовлечь в свое учение носителей культур, не имеющих отношения к индуизму» [9, с. 227].

Как мы ранее отмечали, Ошо не признает существование Бога, считая его потребностью нашего ума: «ум не может постичь бесконечное и вечное» [5, с. 66]. Тем не менее он не отрицает существование безграничного разумного абсолюта, малой частью которого является человек. Ошо называет его космосом, Вселенной, сущим и категорически отрицает его тождество с Богом, говоря что «Бог не является эквивалентом сущего» [Там же, с. 126]. Надеясь сущее «собственной мудростью», он вынужден признать, что «наш разум – не единственный в своем роде» [Там же, с. 139].

На наш взгляд, комментируя БхГ, Ошо не проводит четкой грани между сущим и Богом, используя в беседах и термин «божественное». Так,

он противопоставляет сущее науке и утверждает, что «никакое научное знание никогда не будет иметь божественную природу, поскольку под словом «божественное» следует понимать именно то, что никогда не будет познано» [6, с. 324]. Тем самым он подчеркивает ограниченность возможностей человеческого разума.

В рамках этой доктрины Кришна представляется Ошо земным, но просветленным человеком. Такое низведение Кришны, почитаемого в вишнуизме в качестве Верховного Божества, до уровня простого смертного человека можно оценивать как нарочито эпатажное заявление, весьма характерное для учения Ошо. Сам процесс понимания Кришны представляется Ошо путем постижения своего Я, уменьшающим «внутренние противоречия и конфликты» [7, с. 42]. При этом он говорит, что Кришну можно называть «Богом, Брамой или как хотите» [Там же, с. 10], важно лишь его понимание, которое ведет к постижению собственной природы, более того, «в процессе понимания Кришны вы начнете становиться целыми и святыми» [Там же, с. 42].

Интересно отметить, что Ошо не только симпатизирует Кришне, но и стремится отождествиться с ним в гла-

зах слушателей, описывая свою личность как обладающую подобными качествами: «Я просто человек, только пробужденный, бдительный, сознательный и отвечающий на проявления жизни из мига в миг в соответствии со своим осознанием, своим сознанием» [5, с. 144].

Диалог Кришны и Арджуны

Итак, на поле боля Курукшетра, перед началом одной из самых кровопролитных войн в истории Древней Индии, реальности которой мы коснемся далее, встречаются два неординарных человека: просветленный и ищущий истину. Невозможно не заметить, насколько идеально в содержании бесед Ошо расставлены акценты на основных характеристиках личностей Кришны и Арджуны, чтобы подвести слушателя к осознанию неизбежности событий, следующих за их беседой.

Говоря о диалоге Кришны и Арджуны, Ошо отвечает на логичный вопрос, который часто возникает у изучающих БхГ, о том, каким образом перед началом битвы удалось найти время на столь длительную и вдумчивую беседу. Он приводит частые объяснения других комментаторов о том, что текст БхГ был объявлен «интерполяцией в эпическую поэму “Махабхарату”» [6, с. 185]. Второй аргумент в

пользу длительности диалога заключается в возможной обработке короткого диалога поэтами, так как приведение к поэтической форме привело к его неизбежному увеличению. Ошо не соглашается с этими объяснениями и предлагает свой вариант, заявляя, что разговор между Кришной и Арджуной был не вербальным, а ментальным. Объявляя содержание БхГ телепатическим общением, Ошо поясняет, что «в процессе молчаливого диалога ход времени совершенно иной» [6, с. 192]. Его утверждение удачно вписывается в ряд суждений о поэме, отражающих рационально-мистический подход Ошо к ее интерпретации.

Отметим, что не менее интересен подход Ошо к толкованию эпизода поэмы, в котором Кришна являет Арджуне свою божественную сущность. Ошо считает, что Арджуна в этот момент находится в состоянии глубокой близости с Кришной, поэтому приобретает способность видеть «вселенскую форму божественного» [7, с. 188]. Вторым необходимым условием для такого видения становится сам Кришна, которого Ошо называет катализатором, поскольку его присутствия оказывается достаточно для совершения такого явления. Так, в шлоке 11.8 Кришна заявляет:

«Но своим человеческим оком
ты увидеть Меня не способен:
Я дарю тебе новое зрение
властью йоги Моей чудесной».

Примечательно, что Ошо пытается убедить слушателей в реальности процесса божественного видения, говоря, что в действительности он происходил множество раз. В качестве примеров участников подобного явления он называет Будду и Шарипутру, Махавиру и Гаутаму, Иисуса и Луку, Рамакришну и Вивекананду. Более того, согласно Ошо, феномен божественного видения – это «научное явление, факт, истина», но «мы в нашем невежестве воспринимаем это как чудо» [7, с. 191]. Какую цель может преследовать Ошо, разбавляя свои логичные рассуждения столь обширной массой псевдонаучных доводов? Вероятно, он видит в этом очередную возможность донести до широкого круга слушателей, среди которых есть много представителей западного мировоззрения, восточную идею единства бытия, подтвердить приверженность концепции холистического натурализма, отмечаемую востоковедом А. С. Сиргия [10, с. 152]. Так, эту идею он отражает в комментариях к стихам, описывающим божественное явление Кришны (11.13):

«Как бы собранный вдруг
воедино
целый мир, всех существ
бесконечность
пред собою тогда увидел
в теле бога богов сын Панду».

Ошо акцентирует внимание на единстве жизни и смерти живых существ, одновременности возникновения и разрушения мироздания. В этих стихах он видит еще одно подтверждение своей характеристики личности Кришны, а именно его «парадоксальность и безграничность тотальности» [7, с. 44].

На наш взгляд, один из важнейших аспектов трактовки Ошо БхГ – постепенное расширение аспектов личности Кришны до уровня характеристик самого бытия. Он считает, что личность Кришны настолько целостна, что перестает быть личностью и становится самим существованием [Там же, с. 56]. При этом он сравнивает Кришну с зеркалом, в котором каждый изучающий БхГ находит свое отражение и считает личность Кришны такой же, как и его собственная личность. В таком представлении Кришны Ошо видит основную причину множественности комментариев к БхГ.

С целью оправдать собственный взгляд на поэму Ошо подвергает кри-

тике таких широко известных комментаторов, как Шанкара, Рамануджа, Тилак. Так, по его мнению, Шанкара считает мир иллюзией и находит подтверждение этому в БхГ, хотя Кришна объявляет мир не только реальным, но и божественным [7, с. 32], Рамануджа через свой комментарий обнаруживает в поэме тот «факт», что «преданность – это путь к Богу» [Там же, с. 57], Тилак в качестве основной концепции поэмы выделяет необходимость следования по пути карма-йоги. Все перечисленные интерпретации поэмы в представлении Ошо односторонни, следовательно, не лишены изъянов. Однако он уделяет их критике гораздо меньше внимания, нежели комментарию Ганди.

В своей пропаганде идеи ненасилия Ганди склонен принять сторону Арджуны, который отказывается воевать против своих близких. Создавая комментарий к БхГ, он принимает предположение метафоричности битвы на Курукшетре: «Под видом физической войны описывается дуэль, постоянно происходящая в сердцах представителей рода людского, и ... физическая война привлечена только для того, чтобы сделать описание внутренней дуэли более привлекательным» [2, с. 10]. Ошо называет этот подход Ган-

ди «уловкой», имеющей целью «отделиться от Кришны» [6, с. 340], который открыто призывает к битве (шлока 2.37):

«Победив – насладишься ты царством;
коль убьют тебя – рая достигнешь;
так не медли – скорей решайся!
Подымайся на битву,
сын Кунти!»

В качестве дополнительных критических аргументов Ошо объявляет Ганди неспособным осознать всю полноту личности Кришны, следовательно, и постичь смысл содержания поэмы, так как его «вера в ненасилие создает противоречие с неизбежностью войны» [7, с. 8], тем самым ограничивая широту взглядов и суждений комментатора. Кроме того, по мнению Ошо, Ганди использует возможность объявить битву аллегорической войной между добром и злом из-за давности событий «Махабхараты», ведь промежуток между Кришной и Ганди составляет пять тысяч лет [Там же, с. 37]. Так, метафора Ганди, согласно утверждению Ошо, является лишь способом «рационализировать насилие Гиты» [Там же, с. 8]. Столь резкая критика может указывать, по нашему мнению, на собственные сомнения Ошо в пол-

ноте аргументации, которые скрываются в оправдании морали поэмы, при условии разделения мнения о реальности событий «Махабхараты».

Между тем мнения исследователей по поводу реальности битвы на Курукшетре расходятся. Примечательно, что данный вопрос, как и проблема историчности БхГ, был впервые поднят именно западными учеными [13, с. 223]. Так, исследователь индийской культуры А. В. Герасимов перечисляет специалистов, утверждающих реальность исторического «ядра» БхГ, среди которых Г. Ольденберг, А. Макдонелл, Ф. Парджитер, А. Шредер, Э. У. Хопкинс [4, с. 184]. Напротив, советский индолог В. С. Семенцов берет в расчет доводы ученых (Саркар и др.), отрицающих историчность битвы описанных в «Махабхарате» масштабов [1, с. 130]. Почему Ошо, которому наверняка были известны разные точки зрения ученых, принимает предположение об историчности событий Махабхараты? Вероятно, причина кроется в его стремлении наиболее ясно донести до слушателя идею правдоподобности существования просветленного Кришны, сделать его реальным образом для подражания.

Убежденность в реальности Кришны объясняет нарочитое «зазем-

ление» содержания диалога, который он объявляет не религиозным текстом, что является традиционной трактовкой БхГ, а психологическим трактатом [6, с. 105]. Более того, он также лишает его и статуса философского текста, указывая на отсутствие в БхГ философских положений, логических силлогизмов. Значение и ценность БхГ, по мнению Ошо, заключается в том, что она является первым в истории текстом, «посвященным вопросам психологии» [Там же]. В этом контексте поэмы Кришна объявляется им «отцом психологии», а отношения Кришны и Арджуны – общением психоаналитика и пациента.

Отметим, что заключение о «нерелигиозности» текста, принимаемого духовными течениями за святое писание, вполне ожидаемо от лидера, отрицающего существование Бога традиционных религий. Ошо наделяет его другим статусом, по его заявлению, более высоким, декларируя, что ни у одного человека нет духовных проблем, зато есть проблемы психологические, порождаемые умом, поэтому, когда на БхГ навешивают «ярлык духовного писания» [Там же, с. 146], ее статус незаслуженно понижают.

Несомненно, идея Ошо о целесообразности исследования личностей Кришны и Арджуны с точки зрения

психологии заслуживает особого внимания. Отметим, что утверждение Ошо о том, что «мифы, метафоры и притчи, легенды ... оказались прекрасной сокровищницей, которая могла хранить такие бесценные ценности [8, с. 32]», как психологические истины жизни, заставляет посмотреть на эти произведения под необычным ракурсом, что сулит исследователям возможные находки. Однако, на наш взгляд, психологический аспект содержания поэмы далеко не единственный ракурс, заслуживающий внимания читателей. Так, обвиняя комментаторов в односторонности оценки значения БхГ,

Ошо делает не менее одностороннее заключение. Кроме того, его психологическая оценка содержит «околонаучные» утверждения; тем самым лишая религию священного писания, он заменяет религиозные догмы на аргументы ненаучного характера, что значительно обесценивает его не лишенный рациональных идей и оригинальности комментарий к поэме. И если мы не вправе упрекать Ошо в отсутствии научных оснований в его учении по причине того, что он не преследует цели развития науки, то стоит отметить явно присущую его суждениям противоречивость и нелогичность.

Библиографические ссылки

1. Бхагавадгита : пер. с санскрита / исслед. и прим. В. С. Семенцова. М. : Восточная литература, 1999. 256 с.
2. Ганди М. К. Истинная Курукшетра : пер. с англ. М. : Йога Экс-Пресс, 2014. 79 с.
3. Добин А. В., Иванова А. С., Прошина Е. М. Проблема человека в политической философии Шри Раджниша // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 4 (№№ 67, 68). С. 231 – 236.
4. Культура древней Индии / отв. ред. А. В. Герасимов. М. : Наука, 1975. 429 с.
5. Ошо. Бог, которого никогда не было / пер. с англ. А. Ю. Долгачевой. М. : АСТ, 2012. 286 с.
6. Ошо. Внутренняя война и мир: откровения из Бхагавадгиты / пер. с англ. И. Демченко. М. : АСТ, 2011. 415 с.
7. Ошо. Кришна: человек и его философия. Внутреннее путешествие : пер. с англ. М. : Нирвана, 2000. 400 с.
8. Ошо. Флейта Кришны : пер. с англ. М. : Нирвана, 2001. 288 с.

9. Пахомов С. В. Варна-ашрама // Индийская философия : энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М. : Восточная литература, 2009. С. 226, 227.

10. Сиргия А. С. Творчество Шри Раджниша (Ошо) и диалог культур Запада и Востока // Studio Culturae: вып. 22: Symposium. С. 149 – 155.

11. Тимощук А. С., Федотова И. Н., Шавкунов И. В. Введение в религиоведение : учеб. пособие. Владимир, 2014. 156 с.

12. Vivekananda Swami. Jnana-Yoga. Calcutta : Advaita Ashrama, 1948. 444 p.

13. Nadkarni M. V. The Bhagavad-Gita For The Modern Reader: History, interpretations and philosophy. New York, 2017. 309 с.

L. E. Zhukova

THE PHILOSOPHY OF THE BHAGAVAD GITA IN THE CONVERSATIONS OF SRI RAJNISH (OSHO)

The article is devoted to analyzing of the philosophical concepts of Sri Rajneesh (Osho), reflected in his exegesis of the ancient Indian poem "Bhagavad-Gita". The material for the study was Osho's comments on the poem, and his lectures recorded in different years by students and followers. The research reveals features of interpretation of the religious and philosophical poem by an authoritative spiritual leader, caused by the author's contradictory views.

Keywords: ancient Indian philosophy, Bhagavad-Gita, epic, Rajneesh, Osho, yoga.

УДК 231.5

П. Е. Матвеев

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ БЫТИЯ БОГА

Статья посвящена анализу доказательств бытия Бога, представленных Фомой Аквинским. Приводятся опровержения со стороны Канта и других философов. Выявляются сильные и слабые стороны данных работ, а также рассмат-

риваются идеи других мыслителей. Приводится авторская точка зрения на поднятые проблемы.

Ключевые слова: Бог, бытие божье, религия, доказательства, аргументация, истина, бесконечность, теология, реализм.

В бессмертном романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» описана сцена встречи и разговора Воланда, Берлиоза и поэта Бездомного. Зашла речь о Боге:

– «Но позвольте вас спросить, – после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, – как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять?

– Увы! – с сожалением ответил Берлиоз. – Ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования Бога быть не может.

– Bravo! – вскричал иностранец. – Bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил шестое доказательство!

– И доказательство Канта, – тонко улыбнувшись, возразил образо-

ванный редактор, – также неубедительно...» [2, с. 89].

Из творческого наследия Канта следует, что он разрушил полностью три доказательства существования Бога. Но пять доказательств Бога действительно известны в богословии и философии. Их четко сформулировал великий средневековый философ и богослов Фома Аквинский в 13 веке. Кто он был больше – философ или богослов? Спустя столетия после смерти Фомы Аквинского знаменитый и по праву медиевист Этьен Жильсон в 20 веке скажет, что «его теология – это теология философа, а философия – философия средневекового святого».

Фома Аквинский прожил недолгую жизнь – всего 49 лет (1225 – 1274), но написал много знаковых произведений. Среди его творений выделяются три большие работы: «Комментарии к сентенциям Петра Ломбардского», «Сумма против язычников» (1254 – 1264), «Сумма теологии» (1265 – 1274). Пять доказательств бытия Бога находятся в «Сумме теологии», в первой из трех ее частей. Он был

очень талантлив – этот доминиканский монах!

Отметим сразу же наше отношение к доказательствам бытия Бога. Как говорил Берлиоз в бессмертном романе М. А. Булгакова: «Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования Бога быть не может». И это действительно так, если под доказательством иметь в виду строгую логическую операцию. Мы в данном вопросе придерживаемся точки зрения Карла Поппера, замечательного английского философа XX века, что вопросы, выходящие «за пределы логики и конечной арифметики» не доказуемы [6, с. 45, 46], но аргументация в защиту Бога кажется более убедительной. Бытие Бога рационально не доказуемо, но более достоверно с нашей точки зрения, чем доказательства его небытия.

А теперь обратимся к доказательствам Фомы Аквинского, их надлежит правильно, без утрирования, понимать. Фома Аквинский пишет, что «первый и наиболее очевидный путь исходит из движения» [1, с. 25]. Но все, что движется, должно быть движимо чем-то иным. Но это не может продолжаться до бесконечности, поскольку тогда не было бы и «первого движущего» и движения вообще. Но

наличие движения есть факт опыта. Кстати, в средневековой схоластике под движением понимали любое изменение в природе: как перемещение количества, так и изменения по качеству. Следовательно, мы должны признать «первое движущее», а оно и называется Богом.

Спустя столетия Б. Рассел, будучи не только замечательным философом, но и прекрасным математиком и логиком, подвергнет это доказательство критике именно с позиций математики. Он отметит, что это доказательство, как и другие, кроме телеологического, «покоятся на предполагаемой невозможности ряда, не имеющего первого члена» [7, с. 433]. Но математике подобные ряды известны. Это, например, ряд целых отрицательных чисел, заканчивающийся минус единицей. Действительно, где начинается ряд отрицательных целых чисел, нам неизвестно, поскольку он теряется в бесконечности, а оканчивается минус единицей. Иными словами, начало бытия уходит в бесконечность, и это возможно с точки зрения математики.

В примечаниях к первому тому «Суммы теологии», написанных А. В. Апполоновым, есть существенное дополнение к первому доказательству. Здесь указывается, что существу-

ет два рода порядка причин: «сущностный» и «акцидентальный» порядки [1, с. 786]. Напомним, акциденцией в схоластике назывался случайный феномен. И Апполонов считает, что «ряд причин не может уходить в бесконечность (в смысле отсутствия некоей первой причины) только тогда, когда они составляют «сущностный порядок» [Там же]. «Сущностно упорядоченные» причины представляют собой определенную систему причин, или комплекс причин. Они могут действовать только одновременно. «Акцидентальный порядок» причин представляет собой ряд причин, или их последовательность. Данный ряд может уходить в бесконечность. В нем все причины являются опосредующими или инструментальными.

Апполонов приводит примеры, разъясняющие приведенные дополнения. Так, сущностный порядок причин мы имеем, например, при движении автомобиля, когда ему необходимо сделать разворот. Здесь есть целый комплекс причин – от воли водителя, его рук, руля автомобиля до самого автомобиля. А. В. Апполонов делает правильное замечание: «Ясно, что все эти причины необходимо должны иметь место, причем одновременно, и, кроме того, они не могут уходить в

бесконечность: в противном случае автомобиль не развернется» [1, с. 786].

Можно сказать, что комплекс причин при сущностном их порядке представляет собой совокупность *необходимых* и *достаточных* причин. Существующий миропорядок представляет собой перманентную цепь реально начинающихся и каким-либо образом заканчивающихся причин.

Акцидентальный порядок причин мы имеем, например, при рождении ребенка. Для его рождения нет необходимости в присутствии деда, хотя, естественно, он существует или существовал, а наличие отца ребенка необходимо. И ряд причин, обуславливающих наличие отцов, может уходить в бесконечность. Отец отца ребенка тоже имеет своего отца и т. д. Имеются ли такие различные роды причин – сущностный и акцидентальный? Мы, очевидно, должны признать их наличие. При этом существует закон всеобщей детерминации, согласно которому все причинно обусловлено.

Учитывал ли Фома Аквинский существование двух родов причин при доказательстве бытия Бога через наличие движения? Он об этом не пишет в своем доказательстве. Фома просто исходит из факта наличия движения. Доказывают ли подобные факты нали-

чие Бога? Думается, нет. Мы в данном случае, действительно, можем предположить первый толчок, давший начало движения, и этот перводвигатель и есть Бог. Так, кстати, считал Аристотель, которого очень почитал Фома Аквинский. Но мы также можем утверждать, что никакого перводвигателя не существует. Существует определенное состояние как в реальности, так и в возможности, называемое движением, а это состояние порождает иное состояние и так далее, и так до бесконечности.

Здесь следует вспомнить о Канте. Вообще по Канту «возможны три способа доказательства бытия Бога исходя из спекулятивного разума» [3, с. 516]. «Первое доказательство называется *физико-теологическим*, второе – *космологическим*, а третье – *онтологическим*. Других доказательств нет и не может быть» [Там же]. Кант объединил первые три из пяти доказательств Фомы Аквинского, а еще дополнил список доказательств онтологическим. Онтологическое доказательство в свое время отверг Фома Аквинский, то же сделал и Кант, но, с нашей точки зрения, более основательно. О критике Кантом онтологического доказательства мы писали ранее в статье «Онто-теология Канта» [5].

Первое доказательство Фомы Аквинского, как и последующие два других, Кант отнес к космологическому доказательству. И Кант его отверг. Рассуждения Канта при этом весьма оригинальны, они не вписываются в парадигму, в которой строятся современные подобные рассуждения. Кант исходит из наличия эмпирических реальных апостериорных фактов, с одной стороны, а с другой – из наличия априорных трансцендентальных фактов. К эмпирическим фактам Кант относит ряд последующих друг за другом причин, а к априорным – наличие в нашем уме абсолютной безусловной необходимости. Кант пишет: «Но если онтологическое доказательство заключает от высшей реальности к необходимости существования, то космологическое доказательство, скорее, заключает от данной заранее безусловной необходимости некоторой сущности к ее безграничной реальности» [3, с. 525]. И как соединить ряд эмпирических причин с абсолютной необходимостью, мы не знаем, не знаем мы и происхождение абсолютной необходимой причины, если не признаем ее за трансцендентальную, т. е. врожденную идею.

Кант утверждает, что «в этом космологическом аргументе скрыто целое гнездо диалектических притяза-

ний» [3, с. 529]. В частности, здесь со-
держится «основоположение для за-
ключения от невозможности беско-
нечного ряда данных друг за другом в
чувственно воспринимаемом мире
причин к некоей первой причине, на
что принципы применения разума не
дают нам основание даже в опыте и
еще менее на то, чтобы это основопо-
ложение могло быть распространено
за пределы опыта (куда эта цепь вовсе
не может быть продолжена» [Там же].
Так Кант, по его мнению, разрушил
космологическое доказательство бы-
тия Бога и признал его невозможным.

Если оценивать первое доказа-
тельство бытия Бога Фомы Аквинско-
го в современной парадигме, то надо
согласиться, что для признания перво-
двигателя как Бога нет оснований,
кроме умозрительных. Но и для отри-
цания такого перводвигателя нет осно-
ваний, т. е. мы оставляем данный во-
прос без утвердительного ответа.

Доказательство Фомы Аквинско-
го и его опровержение Кантом напоми-
нает доказательство бессмертия души
Платона. Рассуждения Платона можно
передать следующим образом. – Тело
человеческое смертно, это эмпириче-
ский факт. Но умирает ли при этом
душа человека? Когда мы утверждаем
о смерти души вместе со смертью тела,

то мы рассуждаем по аналогии. Но те-
ло и душа имеют разную сущность,
природу: тело материально, а душа
идеальна. Может быть, идеальная по
природе душа и умирает вместе со
смертью материального тела, а может,
и нет. У нас нет достоверных доказа-
тельств для подобного утверждения.
Поступая обратно, мы совершаем ло-
гическую ошибку.

В рассуждениях Платона и Кан-
та есть общая идея – признание суще-
ствования разных сфер бытия: матери-
альной сферы и идеальной, или мате-
риальной и трансцендентальной. Как
связаны эти сферы, не ответили убеди-
тельно ни Платон, ни Кант. Немецкий
философ Эрнст Кассирер в замеча-
тельной книге «Жизнь и учение Кан-
та» – одной из лучших работ, посвя-
щенных Канту, – отметил, что в по-
следние годы Кант «со все новым
напряжением воли» обращается к «ра-
боте «Переход от метафизических
начал естествознания к физике», но
работа эта осталась незавершенной [4,
с. 363, 364].

Второе доказательство Фомы
Аквинского очень похоже на первое,
оно «исходит из смыслового содержа-
ния действующей причины» [1, с. 26].
Но поскольку Фома Аквинский приво-
дит его, значит он видел и их (первого

и второго доказательств) различие. В чем оно состоит? А. В. Апполонов в примечаниях считает, что «различие между двумя первыми «путями» сводится, пожалуй, только к тому, что в первом доказательстве анализируется один вид каузальности ... , а во втором – другой» [1, с. 787]. Другой вид каузальности по Апполонову – это «актуальное действие действующей причины». Так ли это?

Мы считаем, что надо обратить внимание на то, что в первом доказательстве Фома Аквинский говорит о движении, а не о причинах, а во втором – о причинах. И первый и второй вид доказательств свидетельствуют, с точки зрения Аквината, существование Бога. Собственно, именно во втором доказательстве Фома имеет в виду акцидентальный порядок причин, а в первом доказательстве – сущностный, а вернее сказать – особое состояние, обусловленное этим порядком.

Возражение Б. Рассела не проходит, ибо, как это выяснила философия, логика и математика имеют свои онтологические и логические особенности.

Третье доказательство Фомы Аквинского, с нашей точки зрения, является одним из наиболее содержательных и интересных. Здесь Фома

Аквинский рассматривает вопрос «начала начал». Но исходит он «из смыслового содержания возможного и необходимого» [1, с. 26]. Среди вещей, рассуждает Фома, есть те, «которые могут как быть, так и не быть» [Там же]. Но это означает, что когда-то могло не быть ничего, так как необходимости в существовании вещей нет. Но то, что существует, есть благодаря тому, что кто-то уже есть. «Следовательно, – заключает Фома, – не все сущее является возможным, но в реальности должно существовать нечто необходимое» [Там же, с. 27]. Но необходимость должна иметь причину своей необходимости, которая по ранним доказательствам не может уходить в бесконечность. Следовательно, есть нечто «само по себе» необходимое, а оно и называется Богом.

Для нас интересен здесь следующий вывод, который следует из рассуждений Фомы Аквинского, что в самом начале все вещи возможны. Существование мира, которое мы ощущаем, необходимо, иначе его не было бы. Но потому необходима и иная сущность, которая превращает существование мира из возможного в действительное.

В этом, третьем, доказательстве бытия Бога, ставится и вопрос о бытии

мира. Самое удивительное из того, что мы имеем – это наше существование. Все имеет начало. Если продолжить в глубь веков, то и происхождение бытия должно иметь начало. Но скорее всего, т. е. в возможности – это *ничто*. И тут самое удивительное – *как из ничего возникает нечто?! С помощью Бога? А откуда возник Бог? Не совершаем ли мы уловку, чтобы облегчить наши сомнения, отдвигая начало начал на Бога? Но Бог – это иная субстанция, познать которую мы не в силах. Данный аргумент, кстати, использовал Фома против онтологического доказательства. Поэтому и нерешаем вопрос о возникновении Бога. Возможно здесь и такое продолжение рассуждений: Бог существовал вечно, но и мир вечен, т. е. при существовании вечного Бога возможно и вечное существование мира.*

Это напоминает рассуждение великого Платона о космосе. В нем по Платону есть несколько вечных, т. е. никем не созданных начал: Бог, идеи и материя. Мы отрицаем первозданные идеи, они могут быть лишь в вещах, в головах людей и в уме Бога. Так считали и в средневековом умеренном реализме, к которому принадлежал Фома Аквинский. Тогда не следует искать доказательств существования Бога в материальном мире. О Боге свидетель-

ствует идеальный мир человека – человеческая нравственность и связанные с нею проблемы. Это не доказательство бытия Бога, но аргументы за его существование.

Четвертое доказательство Фомы Аквинского «исходит из степеней совершенства, обнаруживаемых в вещах» [1, с. 27]. Так, по Ф. Аквинскому, есть вещи «более или менее благие, истинные, благородные и т. д.» [Там же]. С современной точки зрения на истину кажется странным, что и вещи могут быть истинными, а значит, и ложными. У нас превалирующей является парадигма, заложенная еще Аристотелем и поддержанная Декартом и другими, утверждающая, что «истина есть мысль, соответствующая своему предмету». Современное понимание истины связано с тремя постулатами: 1) истина и ложь в основном берутся в логико-гносеологическом значении; 2) истина и ложь – это характеристики наших мыслей; они свойственны нашему знанию о вещах, а не самим вещам; 3) истина и ложь характеризуют только суждения и умозаключения, но не понятия.

У Фомы Аквинского была иная парадигма об истине, иногда ее называют онтологической. Фома посвятил истине целый вопрос-раздел в «Сумме

теологии». Вопрос 16, который разбил на восемь более мелких разделов, соответствующих восьми проблемам, связанным с истиной [1, с. 221]. Он искренне считал, что «природные вещи являются истинными постольку, поскольку они подобны идеям, пребывающим в божественном уме» [Там же, с. 223]. А сама истина есть «отношение чего-либо или кого-либо к разуму человеческому и божественному». Например, мы говорим о чем-то, что это «истинное произведение искусства», подразумевая его соответствие настоящему искусству. Или говорим «истинный бриллиант», «ложный гриб» и т. п.. Сейчас это воспринимается как аллегория, но во времена средневекового реализма, когда жил Фома Аквинский, данные предикаты считались подлинными объективными качествами. Но если существуют различные степени совершенства, то «следовательно, существует нечто наиболее истинное, наилучшее». А затем Ф. Аквинский совершает необоснованный логический прием: он от наличия совершенного делает вывод, что «то, что называется наибольшим в определенном роде, есть причина всего того, что относится к этому роду» [Там же, с. 27].

Данный вывод сделан в духе онтологического доказательства, ранее

отвергнутого самим Фомой Аквинским. И это стало поводом для критической оценки доказательства Кантом. В целом Кант высоко оценил четвертое доказательство Фомы, которое он определил как физикотеологическое. «Это доказательство заслуживает, — писал Кант, — чтобы о нем всегда упоминали с уважением» [3, с. 539]. Оно побуждает нас к изучению природы, намечает цели нашим исследованиям, «придает вере в высшего творца силу неодолимого убеждения». И с этими замечаниями Канта следует согласиться.

Но мы не можем одобрить данное доказательство за притязание на абсолютную достоверность и за уступки онтологическому доказательству. «Я утверждаю, — писал Кант, — что одно лишь физикотеологическое доказательство само никогда не может подтвердить существование высшей сущности — ему приходится предоставить онтологическому доказательству восполнить этот пробел» [Там же, с. 546].

И Кант здесь снова прав. Четвертое доказательство в лучшем случае лишь аргумент в пользу существования Бога, но не его доказательство.

Пятое доказательство Фомы Аквинского «исходит из управления ве-

щами универсума» [1, с. 27]. Фома считает, что это видно на примерах природных тел, которые лишены познавательной способности, но «действуют рационально». Поэтому данное доказательство еще называют «доказательство от целевой причины». Но природные вещи могут стремиться к цели, если они направляются кем-то мыслящим. Фома приводит пример со стрелой: «так стрела направляется в цель лучником» [1, с. 27]. А нечто мыслящее, целенаправленно управляющее природными вещами, «мы называем Богом».

Данное доказательство объединено Кантом с предыдущим в *физикотеологическое* доказательство, и к нему (к пятому доказательству) применима вся критика, высказанная Кантом по поводу физикотеологического доказательства.

Действительно, в неразумной природе наблюдается целесообразность, и неужели она возникает здесь стихийно? Существуют многочисленные примеры, ставящие подобную стихийность под сомнение. Например,

мы встречаем в лесу прекрасно сложенную избушку. Никто из разумных людей не скажет, что она возникла здесь стихийно, что это лес под воздействием ветра так обломал деревья и аккуратно их сложил, что и получилась подобная избушка. Нет, скажем мы, здесь действовала разумная рука. А ведь атом, элементарная частица вещества в миллионы раз сложнее по структуре подобной избушки. И что, все это создала сама неразумная природа? Просто такие вещи настолько несравнимы, что мы и не задумываемся над ними.

И все же это доказательство не строгое. Даже если есть в природе целесообразность, нет доказательств, что это от Бога. В лучшем случае для кого-то «доказательство от целевой причины» может послужить аргументом в защиту Бога. Оно может заставить человека задуматься над сущностью природы и Бога, и в этом его значение.

Так Кант разрушил все пять доказательств и предложил свое, шестое, нравственное, но это тема отдельной статьи.

Библиографические ссылки

1. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1 – 64. М., 2006. С. 25 – 27, 221, 223, 786, 787.

2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Собр. соч. : в 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 89.
3. Кант. Критика чистого разума // Собр. соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 516, 525, 529, 539, 546.
4. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997. С. 363, 364.
5. Матвеев П. Е. Онтотеология Канта // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 2 (10).
6. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2010. С. 45, 46.
7. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997. С. 433.

P. E. Matveev

ABOUT THE PROOF OF GOD'S EXISTENCE

The article is devoted to the analysis of God's existence evidences, presented by Thomas Aquinas. Refutations from Kant and other philosophers are presented. The strengths and weaknesses of these works are identified, and the ideas of other thinkers are considered. The author's point of view on the raised issues is presented.

Keywords: God, the being of God, religion, evidence, argumentation, truth, infinity, theology, realism.

УДК: 165+111:172+177

Н. И. Петев

НОВАЯ ПАНДЕМИЯ И ЕЁ СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСОБЕННОСТИ (НА ОСНОВЕ МИРОВЫХ СОБЫТИЙ 2019 – 2020): АСПЕКТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ ИНДИВИДА, ВОПРОС ГЕНЕЗИСА И ПРОБЛЕМАТИКА ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ЭПИДЕМИИ

Данная работа посвящена специфике репрезентации событий эпидемии 2019 – 2020 в сознании индивида. Воспринимаемые внешние явления данного периода отражаются на поведении и отношении как внутри общества, так и самого индивида, иногда порождая действия деструктивного и антисоциального характера. Кроме того, в данной работе проанализирован вопрос о соотношении

власти человека и могущества природы, который выявляет радикальный антропоцентричный крен в сознании современного индивида. Также автор рассмотрел проблематику инструментального характера пандемии. В данном случае уделяется внимание вопросу о милитаристском истоке эпидемии, теория о котором имеет спекулятивный характер, в частности в рамках политической мифологизации.

Ключевые слова: экзистенциальная автономия, безопасная масса, низкое напряжение сознания, иррациональное, искусственный инструментализм природы, антропоцентризм, этиология и телеология.

Пандемия 2019 – 2020 – феномен, который имеет особое влияние на индивида и общество. Она изменила понятие и содержание различных норм и правил (например, в сфере социума), специфику коммуникации индивидуумов и даже реструктурировала самого индивида, так как её воздействие и жёсткость превентивных мероприятий, если не прямые, то косвенные, имели в разной степени деструктивное влияние на сознание и поведение индивида. Психологическое напряжение, ограничение активности и пространства, жесткий режим и так далее – это факторы, имеющие деструктивный характер, что вызывает дисперсию личности и рост влияния иррационального как доминанты поведения и мышления. Кроме того, этот период вызвал прорыв латентных индивидуальных и социальных проблем, а также рост спекуляции и мистификации в области политической мифологизации.

Экзистенциальная автономия как следствие социальной изоляции

Период изоляции – это время не только очищения, но и процесса разложения, дисбаланса и дисперсии сознания и личности. Человек теряет самого себя, связь с социальными аспектами и другими индивидами. Меры по ослаблению превентивных мероприятий могут лишь частично снять психическое напряжение, которое аккумулировалось в течение всего периода изоляции. Но тем не менее если не будет позитивных тенденций, или ограничения, хоть и ослабленные, затянутся, или будет какое-либо ужесточение, то произойдёт иррациональный эмоциональный «взрыв» как в сознании и поведении каждого индивида, так и в массах. У каждого есть свой эмоционально-психический «запас прочности». Когда он исчерпывается, то ни страх, ни опасность, ни какие-либо запреты не будут сдерживающими фак-

торами. При подобном положении вещей не будет места разуму, лишь только иррациональное, бессознательное, перетекающее в массовое движение толпы¹. Такое состояние без контроля и дисбаланса подобно вирусу передаётся от одного индивида к другому, заражая каждого, чьё эмоциональное состояние ослаблено, и ведёт как к потере самоидентичности, так и к социальной дисперсии (как общества в целом, так и человека как единицы общества).

Стоит указать, что изоляция несёт в себе ещё одну опасность. Весь мир индивида ограничивается замкнутым пространством (квартира, дом, комната и т. д.). Вся реальность концентрируется в одном месте, которое является квинтэссенцией всего объективного и существующего. Остальное за пределами становится чем-то абстрактным и несуществующим. Это некий свой мир, в котором царят свои

нормы и порядки. Он искусственно изолирован от общества, не является его частью, поэтому и его порядки, правила и запреты уже неактуальны, незначимы, необязательны к исполнению². Вероятна последующая экстраполяция своих правил и устоев, характерных для этого «собственного мира», на социум, в частности, когда это будет возможным (например, в период ослабления изоляции/карантина), что может привести к неблагоприятным, антисоциальным последствиям.

Подобные иррациональные эпидемии, хотя и могут проходить под достаточно разумными лозунгами, характерны для современного мира. Яркий пример – движение «Black Lives Matter» (сокр. BLM, пер. «Чёрные Жизни Имеют Значение»). Движение существует с 2013 года, и отношение официальной власти США к нему неоднозначно. Активность (акции, протесты) организация набрала в период пандемии в 2020 году на волне ослабления карантинных/изоляционных мероприятий. Акции протестов начались в США и

¹ Б. Паскаль отмечал, что воображение сложно уличить во лжи (ложь и истина в нём недифференцированы), оно всегда имеет власть над разумом и приносит индивиду такое удовлетворение, которое не может дать последний [10, с. 59, 60]. Стоит указать, что воображение способно не только осчастливить человека своими иллюзиями, но и привести в состояние панического ужаса, страха или необузданной агрессии. Ещё большая интенсивность, яркость подобных иллюзий приобретаются при переходе от индивидуального уровня к массовому.

² Подобный локализованный суверенитет может иметь большие масштабы, например районы или города. Это, в свою очередь, несомненно приведёт к конфликту части общества со всем остальным, т. е. станет оппозицией официальной власти и закону. Подобное положение вещей инкарнировано в различных деструктивных формах протеста.

распространились по всему миру, и в каждой охваченной ими стране интенсивность различна и события развивались по-разному. Где-то движение имело бóльший отклик в социуме, а где-то меньший. И реакция самого общества, в частности на территории США, была неоднозначна на полемику и попытки диалога с этим движением. Стоит указать, что данное движение – своеобразный ингибитор импульсивности современного социума в различных странах. Это своеобразные «амортизаторы», которые способствуют снижению иррациональных социальных всплесков, вызванных пандемией и карантинном. Иными словами, это некая сублимация. Можно предположить, что данное явление представляет собой контролируемый протест, у которого есть определённые политические цели, в том числе оно может быть инициировано и официальной властью.

Особое низкое напряжение сознания – это симптом угнетённого изоляцией¹ ментального, психологиче-

ского и физического состояния индивида. Подобное отмечал К. Г. Юнг, рассматривая психику первобытного человека, он указывал на возникновение у индивида особого состояния пониженной интенсивности сознания, когда контроль сознанием бессознательного (в том числе мифологического и архетипического) прекращается и оно проникает в сознание [17, с. 91]. Таким образом, подобное состояние может стать катализатором мифологизации, в том числе искусственной, спекулятивно интегрированной в сознание, а также различных иррациональных вспышек и аффективного поведения индивида. Хотя стоит указать, что в некоторых случаях некая изоляция и пассивность – это механизм самосохранения. Но в данном случае существует опасность, так как игнорирование какого-либо явления не отменяет его реального наличия как явления объективного мира. М. М. Бахтин указывал, что игнорирование – биологическая функция экономии, оберегающая от рассеивания, хотя и предполагающая обедняющую и разлагающую предмет реакцию [2, с. 59]. Однако иг-

¹ Отметим, что термин «самоизоляция» неслучайно выбран в официальной риторике превентивных мероприятий. Дело в том, что он имеет двойственную семантику. Выставляя на передний план некую «добровольную волю» индивида, драпируется насильственная необходимость, которая определена объективными обстоятельствами. Таким образом,

«снижается градус» заставления, что обеспечивает меньшую вероятность того, что напряжение перерастёт в агрессию, тогда как насилие, некое прямое действие, несомненно, вызовет бунт и противостояние.

норирование чего-либо объективного не исключает его влияния. Несерьезное отношение к некоторым явлениям как внутри самого индивида, так и вне его может иметь последствия как для его материального, так и ментального благополучия.

Альтернативой традиционных способов коммуникации людей во время эпидемии стало общение с использованием современных технологий. Интерактивное общение – это своеобразный механизм превращения индивидов в инертную массу. Несомненно, что подобное необходимо для более эффективного контроля и влияния, ведь у такой массы нет единства. Это безопасная масса, которая не опасна как реальная толпа¹. Дело в

том, что любые острые вопросы, требующие разрешения, в виртуальном пространстве дальше обычного обсуждения не идут. Любая проблема и протест этим обсуждением и исчерпываются, оно снимает внутреннее напряжение от возникшей необходимости решения той или иной проблемной ситуации, лишает её актуальности и необходимости инкарнации действий для действительного снятия проблематики. В рамках виртуального пространства не возникает эффекта толпы, т. е. некоего относительного единства, сплочённости, присутствия и принадлежности к тому, что происходит, то есть отсутствует *participation mystique*

как таковой (её действие – совокупность действий многих в ней), и она не имеет прав единого лица (иметь, владеть, вступать в соглашение и т. д.), в ней царит естественное состояние [4, с. 88, 89]. Таким образом, толпа/масса является достаточно агрессивной силой, не подчиняющейся ничему кроме как естественным потребностям естественного состояния, не ограничиваясь в средствах. Но безопасная масса – это некое инертное состояние, в котором вышеуказанные характеристики имеют реверсивный характер: активность и движение трансформируются в пассивность, сила – в игнорирование, отсутствие ответственности – в гипертрофированное самопожертвование, особая внушаемость – в покорное следование интегрированным идеям системы (особая внушаемость осталась, но сознание уже заполнено необходимым спекулятивным материалом, чтобы нивелировать её интенсивность), аффективные иррациональные вспышки – в регламентированные, имеющие определённый вектор, действия и т. д.

¹ Х. Ортега-и-Гассет отмечал, что масса не желает уживаться ни с кем, кроме неё самой, а что к ней не относится, она ненавидит смертно [9, с. 78]. Более того, масса возводит силу к *prima ratio* (первый довод), в результате чего она становится единственным законом, упраздняя остальные, и таким образом напрямую диктует свою волю [Там же, с. 75]. К. Г. Юнг указывал, что психология массы всегда нисходит к психологии толпы, где высокий уровень внушаемости и отсутствует ответственность, как и страх [17, с. 264, 265]. Э. Фромм отмечал, что для современного индивида характерна форма самоотождествления «Стадо», где существует лишь иллюзорная индивидуальность [13, с. 96]. Т. Гоббс подчёркивал, что толпа как множество людей не является одним лицом с единой волей (в отличие от государства), поэтому нет действий, которые можно приписать толпе

(мистическая сопричастность) характерная массам, предполагающая бессознательную идентификацию [17, с. 265]¹. Хотя несомненно, что, с одной стороны, подобное положение вещей способно предотвратить иррациональные взрывы масс, но, с другой – вызывает состояние пассивности и социальной аморфности.

Стоит указать, что особой психологической нагрузкой изоляция оказалась для жителей больших городов и мегаполисов. У больших городов своя собственная мифология, которой необходимо соответствовать, чтобы стать частью этого пространства. Можно сказать, что это некая автономная искусственная реальность, которая обладает собственными правилами и специфическими качествами. Она сама буквально «воспитывает», подстраивает индивида под себя. В частности, в мегаполисах высокая степень динами-

ки, поэтому каждому в рамках его пространства необходимо быть очень активным, интенсивность – это индикатор успеха и приспособления. Движение² – это жизнь в большом городе. В период изоляции, то есть снижения интенсивности и активности, происходит сильное психологическое напряжение. Индивид не предполагает, как ему жить без этого «движения», без этого гнетущего напряжения, которое стимулировало его к деятельности. Пассивность противоположна воспитанной в нём природе/натуре³, бездействие негативно и разрушительно для него. Несомненно, что это характерно для любого индивида, но степень напряжения при исключении активности зависит от того, каков уровень его обыденной активности.

² Т. Гоббс указывал, что жизнь есть движение [3, с. 44]. Д. Юм отмечал, что во Вселенной нет, вероятно, ни одной частицы материи в безусловном покое [16, с. 89]. Б. Паскаль подчёркивал, что суть человеческого естества – в движении, а полный покой означает смерть [10, с. 97].

³ Б. Паскаль отмечал, что привычка – это наша вторая натура, способная свести на нет нашу первую натуру (первую привычку) [10, с. 73]. Более того, «любое чувство может превратиться как бы во врожденное, любое врождённое чувство может изгладиться» [Там же, с. 74]. Таким образом, то, что вошло в привычку человека, что в нём воспитано, в частности некоторыми требованиями внешнего мира, например города, становится его фундаментальным внутренним содержанием.

¹ Дело в том, что сама проблема изменяет свой экзистенциальный статус. Во-первых, она становится чем-то внешним, а соответственно предполагает непричастность. Во-вторых, возникает сложность реализации действий по её решению, так как существуют ограниченные способности, возможности и инструменты для этого. В-третьих, возникает феномен «двойного снятия ответственности» и девальвация личной свободы воли. Мало того, что само нахождение в массе снимает ответственность, подобное алиби благодаря специфике виртуального пространства удваивается по причине анонимности.

**Диалектика власти природы
и человека**

Стоит указать, что неопределённые симптомы, развитие, специфика и последствия заболевания пандемии 2019 – 2020, в частности различные его формы и проявления, вызывают в сознании индивидов неоднозначное мнение и отношение к ней. Этот период породил множество теорий и концепций, связанных с истоками и спецификой эпидемии. Стоит указать на несколько важных аспектов, связанных с хаотичностью и неопределённостью заболевания. Во-первых, обоснованием неоднозначности данной эпидемии может служить то, что эта болезнь совершенно новая и аналогов подобного ещё не было¹. Иными словами, человечество с ней ещё не сталкивалось, поэтому ничего конкретного невозможно о ней сказать и однозначные, категорические утверждения невозможны, пока не будет проведено детальное и глубокое исследование, которое потребует больших финансовых, материальных и временных затрат. Несмотря

на то, что современное информационное пространство заполнено различными теориями и мнениями, данный вопрос остаётся в компетенции специалистов².

Во-вторых, «неизвестность» пандемии – это превентивные мероприятия, которые направлены на возможность возникновения такого состояния сознания в обществе, которое вызовет панику и иррациональное движение масс. Иными словами, «умалчивание» – это определённая попытка исключить фактор, который дестабилизирует, парализует или даже полностью пресечёт функционирование как общества, так и отдельных индивидов в нём. Несомненно, что государство и власть будут любыми способами сохранять свою целостность, так как это одна из черт их природы. Различные эмоциональные факторы социума, инициирующие дестабилизацию общественного устройства и порядка, могут парализовать государство настолько, что оно может потерять не только свои функции, но и автономность и целост-

¹ Если какая-то подобная пандемия и была, то провести аналогию невозможно, ибо это лишь подобие, но не тождество, и по причине различий в тех или иных аспектах невозможно выстраивать алгоритм действий, что требует нового, актуализированного подхода, который имеет экспериментальный (как бы полевой) характер.

² Даже среди них мнения различны. Кроме того, очень важно учитывать, что события пандемии, как и она сама, становятся неким политизированным объектом, что может деформировать информацию о ней.

ность¹. Стоит подчеркнуть, что не имеет значения, является ли реально существующим или спекулятивным фактор, вызывающий панические настроения. Фантазия и воображение сделают своё дело, выстраивая буквально библейские картины апокалипсического характера о всеобщей катастрофе, которая будет интенсивно распространяться среди членов социума. Воображаемое занимает место действительного, в частности по причине своей интенсивности и обращения к эмоционально-эстетической стороне индивида, и поэтому способно условно обрести своё наличие

¹ Т. Гоббс отмечал, что «напрасно заботятся о внутреннем мире те, кто не могут защитить себя извне» [4, с. 91]. С одной стороны, это утверждение справедливо. Но, с другой стороны, можно бесконечно наращивать мощь против внешней угрозы, но, не заботясь о внутреннем состоянии государства и социума, в период опасности оказаться в ситуации, когда некому будет использовать этот самый инструмент ради поддержания целостности государства. Это не только отказ от каких-то действий для защиты, но и открытый протест, в том числе на стороне внешнего агрессора. Современные формы ведения войны предполагают, что поле боя не только локализовано в материальном пространстве, но и может находиться в сознании и мышлении индивидов. Иногда государство в военном плане слишком сильно, чтобы победить его грубой силой, тогда эффективным оказывается его разложение и ослабление изнутри, разрушение его целостности и разорение его богатства (начиная с материальных, заканчивая моральными и интеллектуальными методами).

ли не в реальности, то в сознании индивида².

В-третьих, отсутствие конкретики может быть симптомом ретуширования, то есть скрадывания информации о природе³ происхождения этого заболевания. В частности о том, что это нечто искусственно созданное. Интересно, что данная идея имеет конспирологический и пропагандистский характер. Подобные высказывания характерны не только для отдельных индивидов, в частности, увлекающихся различными «теориями мировых заго-

² Впоследствии, уже через определённое отношение и поведение индивидов воображаемое может быть инкарнировано в объективной реальности.

³ Этиологические поиски предполагают погружение и исследование фундаментальных истоков того или иного феномена. Аристотель рассматривал четыре первопричины всего сущего [1, с. 13], ведь причина – это то содержание вещи или явления, из которого она возникает [Там же, с. 124]. Б. Спиноза указывал, что для каждой существующей вещи существует своя причина, которая содержится в её природе или определении или же может находиться вне вещи [11, с. 10]. Ф. Ницше отмечал, что чаще всего, говоря о причине чего-либо, предполагается не причина факта как такового, а причина толкования, то есть мы сами наполняем толкуемое определённым содержанием [7, с. 48, 49]. В этом состоит опасность исследования. М. Элиаде подчёркивал, что знать происхождение какого-либо предмета, вещи или явления равносильно приобретению господства над этим [15, с. 24, 25]. Знание этиологии связано с природой и происхождением, поиск причины может быть связан не только с чисто гносеологическим аспектом, но также с последующими практическими целями.

воров»¹, но и официальных представителей той или иной страны. Последнее, скорее, имеет политический характер, и подобные заявления были направлены на то, чтобы дискредитировать на политической арене своего соперника².

В вопросе происхождения пандемии (естественная или искусственная природа), выносимом на общее обсуждение и обозрение, не имеет значения, существует вирус в действительности или нет, его генезис и становление имеют в данном случае конкретную цель (политическую, социальную, экономическую и т. д.). В частности, в обыденном сознании возникает множество вопросов. Например, о том, что

есть только несколько лабораторий, которые сразу могут выявлять вирус у заболевших, остальные для этого не приспособлены. Это даёт почву различным теориям и рассуждениям, особенно среди «специалистов» в социальных сетях. Хотя, несомненно, что лишь некоторые лаборатории обладают достаточными ресурсами для подобного анализа. Но даже при появлении возможности анализа и в других лабораториях пробы всё равно дублируются в профилированных государствах лабораториях³. Это также вызывает различного рода вопросы и сомнения. Стоит указать, что неясность и неизвестность даёт благотворную почву для появления различного рода, даже иногда совершенно фантастических, теорий, идей и мнений по поводу различных аспектов пандемии. Это лишь указывает на особую плодovitость воображения, на веру, не подкреплённую объективными фактами.

Также можно указать, что такая ограниченность компетентных структур предполагает, что определённая информация о пандемии будет контролируется с определёнными целями, в том числе для пресечения различных

¹ Подобные мистификации, спекуляции и конспирологические теории распространены в различных социальных сетях, масс-медиа и СМИ. В результате возникает трудность демаркации достоверной информации от так называемых «фейков» или «хайповых» тем.

² В частности, можно указать на острое дипломатическое противостояние и взаимные обвинения США и КНР. Обе державы высказывали обвинения в том, что пандемия 2019 – 2020 – это не просто искусственный эксперимент по созданию вируса, но и целенаправленное действие, результаты которого в последующем можно будет использовать в военных целях. Милитаристская телеология указывается как прямо, так и косвенно. Хотя, несомненно, что причиной подобного противостояния могут служить экономические и политические разногласия. К сожалению, очень часто вещи и явления, не касающиеся политики, становятся политическими, и это последнее заполняет всё их содержание.

³ Такая практика, возможно, была необходима для более чёткой постановки диагноза и, например, для выявления ошибок и т. д.

тенденций дестабилизации в обществе. Стоит отметить, что вопрос о природе, а точнее, официальная информация о происхождении пандемии – это вопрос специалистов, имеющих компетенции в данной области исследования, с одной стороны, и социально-политический – с другой¹. Но как и сейчас, так и после оглашения официальной версии будет множество спекуляций на данной теме.

**Вопрос инструментального
контроля пандемии и радикальный
антропоцентризм**

Существует ряд заявлений как в СМИ от представителей различных стран, так и мнений отдельных активных пользователей социальных сетей о том, что пандемия 2019 – 2020 и в целом различные вирусы и заболевания могут быть использованы в качестве оружия в борьбе за политическое господство и доступ к ресурсам. Несомненно, что вирусы и болезни могут иметь инструментальный характер, то есть использоваться в качестве определённого инструмента политических отношений или в качестве рычага воздействия для достижения своих целей. Несомненно, что разработка и исполь-

зование биологического оружия запрещены согласно «Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО)», вступившей в силу в 1975 году, дополняющей «Женевский протокол (1925 г.)». Однако контроль за исполнением данного соглашения малоэффективен, так как отсутствует конкретный механизм проверок. Кроме того, некоторые страны не ратифицировали полный отказ от разработок в данной области, т. е. конвенция принята с оговорками о возможности накопления биологических агентов и токсинов в мирных, защитных и профилактических целях.

Стоит отметить, что по причине радикального антропоцентризма, а также по причине уверенности в собственных силах, могуществе, своих знаниях и достижениях науки у человека создаётся эфемерное чувство способности абсолютного господства², в частности над природой. В гонке вооружений различных государств негласно не существует правил, каждый разрабатывает различные виды вооружения для более эффективного веде-

¹ Сложно предполагать, какие внешние факторы, например политического или социального характера, повлияют на официальные заявления о природе происхождения данного заболевания.

² Иногда это чувство может трансформироваться в специфическое собственное обожествление.

ния боевых действий. Было бы алогично предполагать, что какое-либо государство не желает наращивания военной мощи как минимум для обеспечения защиты собственной целостности. Такова природа любого государства. Излишки подобной мощи, несомненно, будут реализовываться в аспекте территориального расширения. Логично создать вирус, который будет иметь узкую направленность (народ, нация, возраст и т. д.), инструментальный характер как внешнего, так и внутреннего регулирования. Как военный инструмент биологическое оружие эффективнее всего отвечает требованиям ведения именно политико-экономической войны¹. Во-первых, это

¹ Можно сказать, что экзистенциальная составляющая войны в аспекте самого человека имеет иной характер. Она представляет собой насилие, жестокость, истребление противника любыми способами. Мотивами подобного могут служить как инстинктивное стремление к выживанию, так и деструктивные (садистские и некрофилические тенденции). Дело в том, что когда какая-либо цель (например, политическая) выходит на первый план, становясь доминирующей, слабее становится закон крайности и желание сокрушить противника [6, с. 44]. Таким образом, война как феномен экономический или политический будет исходить из своих целей и применять те методы ведения боевых действий, которые будут более эффективны для реализации задуманного. Однако подобные «ограничения» не указывают на некую гуманность и нравственность войны как насилия. Моральный элемент в ней наиболее текуч [Там же, с. 73]. Цель может быть связана с

минимальные затраты ресурсов различного характера, так как война эффективнее, когда больше приобретаешь и меньше затрачиваешь. Во-вторых, сохранение коммуникаций и инфраструктуры (в аспекте материализованных в различных важных строениях). В-третьих, меньшее время восстановления функционирования различных сфер на захваченной территории. При этом такое оружие обладает анонимностью, выступая в форме спонтанной пандемии.

Человечество на протяжении своего существования создавало всё новые и новые формы войны как опосредованного, так и непосредственного характера. Человек придумывает всё более изощрённые способы уничтожения себе подобного², при этом всё интенсивнее отдаляясь от конкретного и уходя в абстрактное. О подобной девальвации сознательности писал Э. Фромм, указывая в качестве примера бомбардировку города, которая представляет автоматизм деструктивно-

такими экономико-политическими мотивами, что в ней не будет места никакой морали и гуманности, а лишь деструктивность, имеющая некрофилическую тенденцию.

² Можно сказать, подобная страсть — это некая деструктивная тенденция. Человек со своим стремлением к жестокости и уничтожению, включая себе подобного, — это кристаллизованный и рафинированный «Танатос» Фрейда человеческой природы.

сти, устраняющий реальное сознание того, что происходит, ведь это лишь механическое выполнение приказа [12, с. 451]. Всё сводится к механике искусственной работы автоматизированной системы. Подобное положение вещей устраняет сопричастность, а также снимает ответственность. Не каждый индивид способен убить другого человека. Не каждый сможет лишиться жизни, смотря в глаза своей жертве. Другое дело, когда ты не видишь свою жертву или она обезличена, то есть массовое убийство по аналогии с бомбардировкой. Легко просто нажать кнопку. Война становится своеобразной игрой. Р. Кайуа отмечал, что война является смертельной и разрушительной игрой, так как обладает соответствующими для неё характеристиками (упорядоченное насилие, наличие правил, локальные и темпоральные ограничения и т. д.) [5, с. 38]. При всей свойственной ей серьезности (игра тоже серьезна¹) некое дистанци-

онное отношение к последующим событиям настолько опьяняет, что индивид не только не чувствует ответственности, но и воспринимает это не всерьёз², и когда выйдет из игры, всё «откатится» к моменту до начала этих «игровых процессов». Это, в свою очередь, абсолютно нивелирует весь ужас и разрушения, которые несёт в себе война. Поэтому, несомненно, наши праотцы и прадеды, наши предки, видя, к чему может привести подобное пересечение границ морали и права, инициировали и подписывали различные ограничивающие конвенции, договоры, соглашения и протоколы, дабы избежать ужасающих последствий преступления против человечества.

Использование БО – это преступление ещё и против природы, покушение на то, что пока до конца человек понять не может. Но природа сама по себе всегда будет лучшим убийцей. У неё есть то, чего нет у человека, по крайней мере, у большинства. Она жестока, безжалостна, бес-

¹ Р. Кайуа указывал, что игра благодаря правилам создаёт такую мнимую ситуацию, которая невозможна в реальности, в которой игровой процесс имеет статус серьезного [5, с. 47, 48]. Й. Хёйзинга отмечал, что даже когда кто-то играет и осознаёт это, он может относиться к этому процессу со всей серьёзностью [14, с. 46]. Ф. Ницше подчёркивал, что «стать зрелым мужем – это значит снова обрести ту

серьезность, которую обладал в детстве во время игр» [8, с. 106].

² Насколько бы серьёзно не относились к игре, и какие бы формы она не принимала, в том числе и форму сакральности, у игры нет другого смысла, кроме неё самой [5, с. 46, 47], то есть игры как таковой [14, с. 45]. Это предполагает и самое главное, а именно изоляцию от объективной реальности.

компромиссна, у неё нет моральных принципов и правил ведения войны и т. д. У неё высокая степень адаптации, форм мимикрии и т. п. Она как открытая система, всегда в ней есть то, что можно заменить, если учитывать всё многообразие организмов и их механизмы существования. Если предположить, что вирус как оружие имеет изначально естественный характер генезиса, но искусственно модифицированный, откорректированный, перекодированный, то существует вероятность, что подобное «оружие» может выйти из-под контроля человека¹ и стать инструментом его собственного уничтожения.

Официальная информация, распространяемая СМИ, в том числе из официальных источников и от специалистов (независимых и работающих в различных исследовательских институтах), указывает на сходство вируса

пандемии 2019 – 2020 и иммунодефицита человека (ВИЧ и СПИД). В частности, такое мнение возникает по причине того, что вирус также в первую очередь уничтожает иммунитет человека. Хотя существует и обратное мнение о том, что связи между ними вообще нет, а первое мнение считают ненаучным и спекулятивным. Тяжёлая форма вируса вызывает пневмонию, которая может привести к летальному исходу. Отмечается схожесть с атипичной пневмонией (SARS-CoV). Предполагается наличие кодируемой области, рестрикционных сайтов и возможности мутации вируса 2019 – 2020 (отмечается особая эволюционная способность). В СМИ сообщается, что в данном вирусе существует след человеческого генома. В частности, данная информация представляется в соответствии с исследованиями Дж. Лэтема и Э. Уилсона из Bioscience Resource Project (компания занимается исследованиями продуктов питания и сельского хозяйства), которые проанализировали китайскую магистерскую диссертацию от 2013 года под названием «Анализ шести пациентов с тяжелой пневмонией, вызванной неизвестными вирусами» (Ли Сюй). Вспышка произошла в 2012 году в шахтах Модзян, провинция Юньнань,

¹ Ф. Ницше указывал, что в сознание могут проникать общие выводы и заключения и в нём может отсутствовать различие произвольного отвлечения от единичного случая, в то время как природа – это случайность [7, с. 73, 74]. Б. Паскаль отмечал, что «иной раз природа устраивает нам подвох и не подчиняется собственным правилам» [10, с. 72]. Действительно, природа как неистовая стихия всегда будоражила сознание индивида, вызывая в нём желание подчинить её силу себе. Но, как и любая практически безграничная сила, она способна ответить многократно на насилие, которое к ней применяется.

где также приписывается передача вируса от летучих мышей. Учёные и исследователи делятся на сторонников гипотезы естественного эволюционирования и тех, кто предполагает возможность искусственной рекомбинации вируса 2019 – 2020. Таким образом, различных мнений настолько много, что возникает переизбыток информации и невозможность категорического суждения по данному вопросу. В обыденном сознании это может привести к трём основным суждениям/отношениям. Первое предполагает принятие на веру наиболее близкой к складу ума человека гипотезы, которая может трансформироваться в спекулятивную конспирологию. Второе – это индифферентное отношение к данному вопросу. Третье – полное отрицание явления как не существующего в объективной реальности, так как такая разрозненная информация подталкивает к суждению о том, что это лишь «шум СМИ», у которого есть определённые цели и заинтересованные в

нём лица. Стоит отметить, что большинство учёных согласны, что вирус 2019 – 2020 – это сложное явление и требуется больше времени на то, чтобы изучить его, в том числе механизмы его происхождения и природных родителей. Лишь в этом случае можно будет делать однозначные выводы и эффективно использовать знания на практике.

В заключение стоит указать, что человек не познал всех особенностей природы как таковой, наши знания далеки от совершенства. Она изменчива и хаотична. Природа – это неумолимая стихия, и все великие достижения человека могут померкнуть перед её мощью. Когда человек экспериментирует с природой, он должен быть готов к тому, что ценой за такие действия и манипуляции может быть его собственное существование. Индивид должен быть готов к тому, что «инструмент», над которым он работает в ней для достижения определённых целей, природа способна обратить против него.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. Метафизика. М. : Э, 2016. 448 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Русские словари, 2003. Т. 1. 956 с.

3. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.
4. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М. : АСТ, 2001. 304 с.
5. Кайуа Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры. М. : ОГИ, 2007. 304 с.
6. Клаузевиц К. О войне. М. : Наука, 1998. 448 с.
7. Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб. : Лениздат, Команда А, 2014. 224 с.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М. : Э, 2018. 320 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2018. 256 с.
10. Паскаль Б. Мысли. М. : Астрель, 2009. 253 с.
11. Спиноза Б. Этика. М. : АСТ, 2001. 336 с.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2016. 624 с.
13. Фромм Э. Синдром распада / Кризис сознания : сб. работ по «философии кризиса». М. : Алгоритм, 2009. С. 82 – 97.
14. Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
15. Элиаде М. Аспекты мифа. М. : Академический проект, 2010. 251 с.
16. Юм Д. Диалоги о Естественной Религии / пер. с англ. С. М. Роговина. М. : Профит Стайл, 2007. 192 с.
17. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М. : Port-Royal, 1997. 384 с.

N. I. Petev

**THE NEW PANDEMIC AND ITS SOCIAL AND PHILOSOPHICAL
FEATURES (BASED ON THE WORLD EVENTS OF 2019 – 2020):
THE ASPECT OF EXISTENTIAL AUTONOMY OF THE INDIVIDUAL,
THE QUESTION OF GENESIS AND THE PROBLEMS
OF THE INSTRUMENTAL NATURE OF THE EPIDEMIC**

This work is devoted to the specifics of representing the events of the 2019-2020 epidemic in the individual's mind. Perceived external phenomena of this period affect behavior and attitudes both within society and the individual, sometimes gener-

ating actions of a destructive and anti-social nature. In addition, the article analyzes the question of the relationship between human power and the power of nature, which reveals a radical anthropocentric tilt in the consciousness of the modern individual. The author also considered the problem of the instrumental nature of the pandemic. In this case, attention is paid to the question of the militaristic origin of the epidemic, the theory of which is speculative, in particular within the framework of political mythologization.

Keywords: existential autonomy, safe mass, low tension of consciousness, irrational, artificial instrumentalism of nature, anthropocentrism, etiology and teleology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор.
Ивановский государственный университет
kebaldin@mail.ru

ГОРСКАЯ Наталья Ивановна – доктор исторических наук, профессор.
Смоленский государственный университет
Gorskaya-n@yandex.ru

ЖУКОВА Любовь Евгеньевна – кандидат экономических наук
главный государственный налоговый инспектор межрайонной инспекции
Федеральной налоговой службы по крупнейшим налогоплательщикам № 6
г. Москва
zhukowa@yandex.ru

МАТВЕЕВ Павел Евлампиевич – доктор философских наук
профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского
государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
mail@matvei.elcom.ru

МИТРОФАНОВ Виктор Владимирович – доктор исторических наук
профессор кафедры теории и истории государства и права
АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС»
viktor-n1962@mail.ru

ПЕТЕВ Николай Иванович – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых
cyanideemo@mail.ru

РЫКИН Евгений Юрьевич – кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

ФОРТУН Алексей Андреевич – аспирант Саратовского национального
исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
fortun2017@yandex.ru